

34474
8
Д. О. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

ДИДАКТИКА
ЯНА АМОСА
КОМЕНСКОГО

У Ч П Е Д Г И З

1949

Цена 2 руб.

334974.

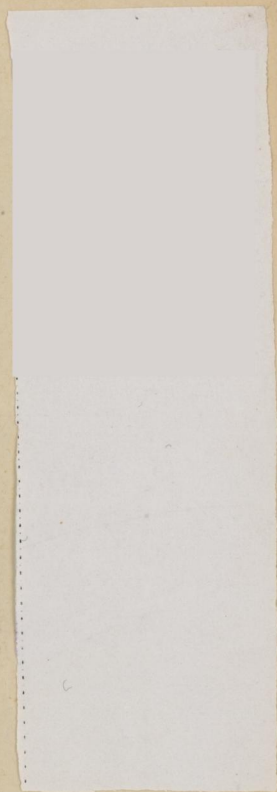
V.N. Karazin Kharkiv National University

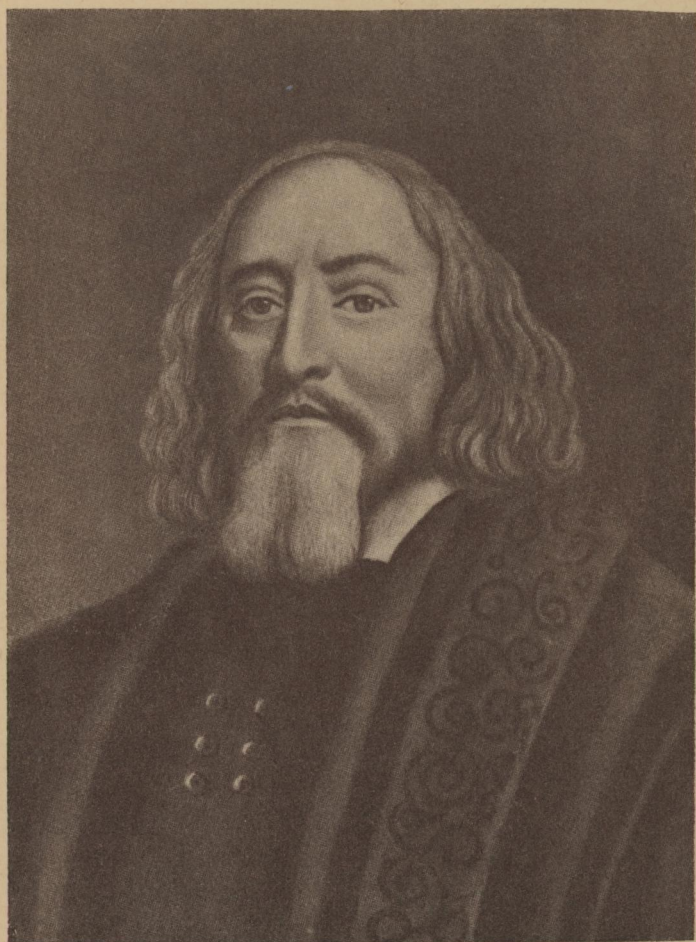
00158710

0

372.3

М
У
И
Н
Г
Д
И
Е
С
И
М
Е
В
В
М
И
И
Е
В
В
И
С

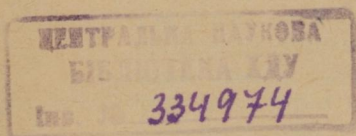

Jonas

Д. О. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

ДИДАКТИКА ЯНА АМОСА КОМЕНСКОГО

2-е ИСПРАВЛЕННОЕ
ИЗДАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА — 1949

59

В книге Д. О. Лордкипанидзе «Дидактика Яна Амоса Коменского» в сжатой форме даётся характеристика и критический анализ дидактических взглядов Я. А. Коменского.

Книга может быть использована как пособие студентами педвузов, научными работниками и учителями средней школы.

Редактор *В. Н. Вишняков.*
Техн. редактор *В. П. Рожин.*

Подписано к печати 16/VIII 1949 г. А10532.
Печатных листов 8. Учётно-изд. л. 6,75.
Тираж 25 000 экз. Заказ № 441.

Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Главполиграфиздата при
Совете Министров СССР.
Москва, Валовая, 28.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Книга Д. О. Лордкипанидзе «Дидактика Я. А. Коменского» представляет собою монографию, освещающую с точки зрения марксизма-ленинизма дидактические взгляды великого педагога Коменского.

Автор даёт подробную характеристику общественных условий эпохи, в которой жил Коменский, прослеживает те влияния, под которыми сложились мировоззрение и педагогические взгляды Коменского. При анализе педагогических взглядов Коменского автор глубоко и правильно освещает природосообразность и пансофию, как исходные методологические позиции, на которых строил Коменский свою дидактику. На этих методологических принципах, как доказывает Д. О. Лордкипанидзе, Коменский обосновал свой «естественный метод» обучения. Анализируя этот метод, автор стройно показывает, что главное в этом методе — 1) психологические основы и 2) методические принципы обучения.

О дидактических принципах и методических правилах Коменского имеется довольно обширная литература. Однако и по этому вопросу Д. О. Лордкипанидзе дал много нового. Так, он убедительно доказал, что ступени обучения, установление которых обычно связывается с именем Гербарта, впервые чётко определены Коменским (чувственное восприятие, пояснение, упражнение). Хорошо показано учение Коменского о наглядности обучения и его отличие в этом вопросе от предшествующих и последующих педагогов и т. д.

Ценной стороной работы Д. О. Лордкипанидзе является углублённый анализ дидактических взглядов Коменского. Не вдаваясь в излишний пересказ-изложение этих взглядов, но кратко изложив самое существенное из высказываний Коменского по каждому дидактическому

вопросу, автор даёт умелый анализ этих взглядов, ярко показывая, как прогрессивна была дидактика Коменского для своего времени и что из этой дидактики является жизненно-ценным до сих пор. Подчёркивая всю прогрессивность дидактики Коменского, автор в то же время убедительно показывает, что у Коменского многие положения являются исторически ограниченными неизжитым ещё в ту эпоху схоластицизмом и идеалистическим мировоззрением Коменского.

Этот критический подход к дидактике Коменского, одинаково чуждый как переоценке или идеализации, так и вульгарному опорочиванию Коменского, представляет сильную сторону работы Д. О. Лордкипанидзе.

Проф. Е. Медынский

ОТ АВТОРА

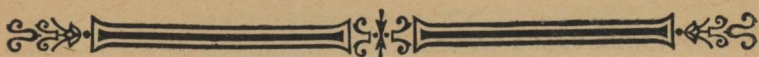
В своей работе о дидактике великого славянского педагога Яна Амоса Коменского автор стремится с точки зрения ленинско-сталинской педагогической науки проанализировать и осветить главным образом те стороны дидактического учения Коменского, которые представляют для советской педагогической науки наибольший интерес, одновременно вскрывая и исторически ограниченные стороны этого учения.

Несмотря на то, что работа не в полной мере охватывает систему дидактики Коменского, автор полагает, что она всё же окажет учителям нашей школы, а также студентам педвузов некоторую помощь в критическом изучении и освоении наследия гениального дидакта.

В настоящее, второе, издание (на русском языке эта работа вышла в 1941 г.; в издании Научно-исследовательского института школ Наркомпроса Грузинской ССР, на грузинском языке в более расширенном виде — в 1939 г.) автором внесены некоторые изменения и дополнения.

Выражаю благодарность действительному члену Академии педагогических наук РСФСР проф. Е. Н. Медынскому за его ценные указания в процессе работы над этой монографией.

Д. Лордкипанидзе

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ — ВЕЛИКИЙ ДИДАКТ

История домарксовой педагогической мысли всего мира не знает такого крупного дидакта, каким является великий славянский педагог XVII века, один из величайших классиков педагогики — Ян Амос Коменский¹. Именем Коменского справедливо гордятся великие славянские народы и всё прогрессивное человечество.

Коменский завоевал себе прочную славу в истории развития педагогических и в особенности дидактических идей не только потому, что он подверг строгой критике современные ему теорию и практику средневекового, схоластического воспитания, образования и обучения, которые в продолжение более тысячи лет держали подрастающие поколения и всю педагогическую мысль в «тёмном лабиринте», но главным образом также и тем, что он наряду с этим указал пути коренного преобразования всей существовавшей системы воспитания, образования и обучения

¹ Ян Амос Коменский родился в 1592 г. в чешском селении Нивницах в семье мельника. Его семья с давних пор принадлежала к «Общине богемских братьев» и считала себя последовательницей протестанта Яна Гуса, известного противника католической церкви. Коменский скоро потерял своих родителей и рос в бедности и лишениях.

В шестнадцатилетнем возрасте ему, с помощью общины «Богемских братьев», удаётся поступить в латинскую школу. Здесь он сам на собственном опыте убеждается в уродливости средневековой системы воспитания с её негодными, мучительными методами обучения: «Я уже тогда, — говорит Коменский, — почувствовал убожество моей страны, которая столь мало думала о вопросах воспитания. У меня тогда же родилось сильное желание найти выход из этого печального положения, дабы знание превратилось во всеобщее достояние и было бы легко усваиваемо подростками». На средства общины «Богемских братьев» Коменский сначала поступает в Герборнскую академию, где он прослушал целый ряд лекций известных мыслителей по философии и естествознанию. Отсюда он переводится в Гейдельбергский университет. По окончании уни-

на новых началах, на началах познания реальной действительности, на благо человеческой жизни.

Коменский — великий педагог не только потому, что он освоил и развил в наиболее стройную педагогическую систему прогрессивные педагогические идеи своих предшественников и современников, но и потому, что он полностью осознал требования новой, надвигающейся эпохи и свою теорию и практику построил сообразно с требованиями и задачами зарождавшегося к тому времени прогрессивного класса, класса буржуазии.

Коменский, наконец, велик как педагог и дидакт потому, что он впервые сделал попытку построения научной дидактической системы и, что он в своём дидактическом учении выдвинул и обосновал много ценных для своего времени положений и правил обучения.

Известный биограф Коменского Ф. Палацкий справедливо относит Коменского «к числу знаменитых мужей всех времён и всех народов».

Имя великого славянского педагога Я. А. Коменского с особенной силой звучит сегодня, когда его родина, Чехия, с помощью великого русского народа и братских народов всего Советского Союза навсегда освобождена от немецкого ига и строит свободную и счастливую Чехию на новых началах, на началах социализма.

верситета Коменский путешествует по разным странам и городам Европы, знакомится с их экономической, политической и культурной жизнью.

Возвратившись на родину, он становится во главе школы «Богемских братьев», которую организует, сообразуясь с новыми принципами. Через несколько лет он делается священником и в качестве пастыря-руководителя «Общины Богемских братьев» ведёт яростную борьбу против католической церкви. Чехи втягиваются в 30-летнюю войну. В 1620 г., после поражения чехов у Белой Горы, происходит разгром «Общины богемских братьев». Семью Коменского разорили, дом сожгли, а сам Коменский принуждён был сначала скрываться в лесах, а потом покинуть горячо любимую родину и бежать от преследования в чужие страны. Он на несколько лет находит себе приют в г. Лешно (Польша), где руководит школой и пишет своё известное сочинение «Janua linguarum reserata». («Открытая дверь к языкам»). Через год он пишет на чешском языке бессмертный труд «Didactica Magna» («Великая дидактика»), который он в собственном переводе выпускает на латинском языке (1632). В период своей работы в Венгрии, в г. Сарос-Потоке, в качестве постоянного консультанта по вопросам реформы школ (1650—1654), Коменский написал знаменитый учебник «Orbis sen-

Вместе с тем при общей оценке педагогических идей Коменского нельзя не заметить, что в этом отношении в мнениях отдельных педагогов-комментаторов Коменского мы имеем дело с двумя крайностями: с одной стороны, — недооценкой, а с другой, — переоценкой значения и роли Коменского в истории педагогики. Первые стараются либо обойти молчанием основные принципиальные вопросы Коменского, либо искусственно сузить его значение в истории развития теории воспитания, образования и обучения, приписывая выдвинутые и развитые Коменским передовые и прогрессивные педагогические идеи другим классикам педагогики. Другие толкователи педагогического наследства Коменского преувеличивают значение педагогических идей Коменского и приписывают ему почти все лучшие идеи и принципы, которые были выработаны педагогической мыслью всего человечества в продолжение многих веков.

Подходя же к оценке учения Коменского с точки зрения марксистско-ленинской педагогики, мы должны рассматривать это учение как наиболее прогрессивную систему педагогики XVII в., которая, являясь в основном носителем воспитательных и образовательных идей нового, прогрессивного класса того времени — буржуазии, содержит в себе много ценных указаний, не теряющих своего исторического значения и для сегодняшнего дня.

sualium pictus» («Мир чувственных вещей в картинках»), издан впервые в 1658 г. Этот учебник-энциклопедия был предназначен для первоначального обучения латинскому и родному языку.

Имя Коменского широко распространилось в европейских странах. Его приглашают в Швецию, Англию, где ему поручают проведение школьной реформы. После разорения Лешно он переезжает в Гамбург, а оттуда в Амстердам. Здесь он заканчивает целый ряд своих работ. Здесь же пишет свой последний труд: «*Unum negessarium*» («Одна необходимость»). В этом произведении 76-летний Коменский описывает свою жизнь, которая, говоря его же словами, «протекала не в отчизне, а в вечном и беспокойном странствии».

Перу Коменского принадлежат свыше 120 трудов различных названий, из которых самым значительным является «*Didactica Magna*».

Коменский скончался в Амстердаме 15 ноября 1670 г.

В 1892 г. в целом ряде стран, по инициативе педагогических обществ, были отпразднованы юбилеи в ознаменование 300-летия со дня рождения великого чешского педагога Яна Амоса Коменского. Юбилей в значительной мере содействовал популяризации педагогической системы Коменского.

Одновременно мы всегда должны помнить, что подлинно научной системой и теорией воспитания является советская педагогика — ленинско-сталинская наука о коммунистическом воспитании, образовании и обучении подрастающего поколения, наука, основоположниками которой являются Маркс — Энгельс — Ленин — Сталин.

Что главное в педагогическом учении Коменского?

Для выяснения этого вопроса в первую очередь необходимо учесть, что он сын своей эпохи, той эпохи, когда начиналась борьба молодого, прогрессивного тогда класса буржуазии с феодализмом, эпохи, в которой ярко выступают экономические, социально-политические, национальные и идеологические противоречия.

Живя на грани борьбы отживающего феодального и нарождающегося капиталистического обществ, Коменский не мог остаться в стороне от этой ожесточённой борьбы старого и нового времени. Педагогическое творчество Коменского является выражением того факта, что феодализм со своей схоластикой отживал свой век и на смену им шла новая эпоха, опиравшаяся на новый способ производства, эпоха новых социальных отношений и требований, эпоха с новым укладом общественной жизни.

Для Коменского становится ясным, что существующая система воспитания, образования и обучения также отжила свой век, что она не соответствует новому духу времени не только по своему содержанию, но и по своей форме.

Глубоко изучив школьную жизнь, а также сам испытывав все отвратительные стороны схоластической школы, широко восприняв новые веяния в педагогической мысли и вообще в науке, Коменский задаётся целью перестроить всю образовательную систему сообразно требованиям эпохи. И эту весьма трудную и сложную задачу Коменский решал в продолжение почти всей своей жизни, решал не только теоретически, но и практически.

Какие основные проблемы поставил Коменский перед собою для достижения своей основной цели — преобразования содержания и формы существующей системы образования и обучения?

Исходя из задачи — воспитать нового человека, человека новой эпохи, Коменский ставит следующие актуальные проблемы:

1. Что собой представляет человек и в чём заключается его назначение и его цель в жизни?

2. Может ли человек достигнуть совершенства и каким путём?

3. Соответствуют ли существующие содержание и форма воспитания, образования и обучения своим задачам?

4. Возможно ли преобразование воспитания, образования и обучения на новых началах?

5. Что должно составлять содержание образования и воспитания человека (т. е. чему учить)?

6. Какими методами учить (т. е. как учить)?

7. Как реорганизовать всю воспитательную и образовательную систему?

Всё учение Коменского сосредоточено вокруг этих вопросов, решение которых даёт определённое место Коменскому в истории педагогики.

Характер решения этих проблем всецело обусловила сама эпоха Коменского. Разрыв и полное несоответствие содержания и формы экономической и политической жизни эпохи нашли своё отражение в идеологии этой эпохи вообще, в частности и в педагогике Коменского. Коменский сидит, если можно так выразиться, на двух стульях: с одной стороны, он не может порвать окончательно с господствующим мировоззрением феодализма, с христианством, хотя и видит социальное зло в церковной иерархии и обрядах, что и заставляет его быть активным последователем реформации и одним из вождей «Богемских братьев»; с другой стороны, под влиянием эпохи он не может не признать реальности природы, не считаться с тем, что человеческое благо требует использования природных сил, в познании которых первостепенное значение имеет не религия, а наука.

В силу всего этого понятно, что Коменский объективно не мог поставленные проблемы разрешить с полной научной последовательностью. Рассматривая вопрос о сущности мироздания и о его закономерностях, Коменский стоит на точке зрения религии, объясняя закономерности природы с телеологической точки зрения. Признавая независимое от нас существование реальной действительности, реальной природы, Коменский выступает как реалист.

Рассматривая сущность природы, Коменский является

теистом, допуская иногда отклонения в сторону пантеизма, в духе учения неоплатоника Плотина. В области теории познания Коменский приближается к бэконовскому сенсуализму.

Такой двойственный характер мировоззрения Коменского заставляет его при решении педагогических проблем, в частности, дидактических, отчасти оставаться на позициях схоластики.

Несмотря на это, Коменский, в силу влияния своей эпохи, выдвигает новые идеи, которые заслуживают тщательного изучения. Одной из сильнейших идей против средневековой схоластики является идея пансофии, которая на место слов в основу знания и мудрости кладёт познание вещей, познание реальной действительности. Вместе с тем большую роль сыграла, в особенности в дидактике, выдвинутая Коменским идея природосообразности в обучении и, наконец, на основе всего этого, Коменский развивает идею «естественного метода», который для Коменского является единственным надёжным принципом прочного, быстрого, последовательного и лёгкого обучения.

Эти идеи в своё время являлись почти такими же прогрессивными идеями в педагогике, как бэконовский опыт в естествознании.

Эти же идеи, выработанные на основе учёта долголетнего непосредственного опыта на педагогическом поприще, дали возможность Коменскому из всех поставленных перед ним проблем прогрессивнее разрешить проблему «как учить» — это и дало ему историческую славу.

Задачей нашего труда и является осветить главным образом основную сущность учения Коменского, а именно:

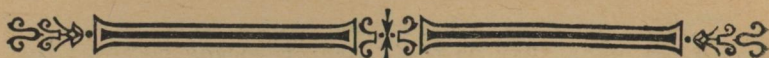
1) раскрыть основы дидактики Коменского, показав их отрицательные и положительные стороны с точки зрения марксистско-ленинской педагогики;

2) проследить и проанализировать выдвинутые Коменским отдельные дидактические принципы и правила обучения как в зависимости от общих принципов дидактики Коменского, так и с точки зрения дидактики советской школы;

3) выяснить режим и организационные формы обучения у Коменского и значение их для построения педагогического процесса.

Для разрешения этих задач, чтобы механически не вырывать дидактику из всей педагогической системы Коменского, необходимо разъяснить в общих чертах его мировоззрение и основные педагогические идеи на фоне общественно-экономического уклада эпохи, в которую жил Коменский, в особенности Чехии в XVII в.

Глава 1

ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УКЛАД ЭПОХИ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ КОМЕНСКОГО

Общая
характери-
стика
социально-
экономиче-
ского и
политического
уклада эпохи.
Чехия
во времена
Коменского.

Ян Амос Коменский жил и вёл свою дол-
гую плодотворную практическую и теоре-
тическую работу на педагогическом по-
прище в XVII веке. Этот век знаменателен
в истории Европы вообще и в истории
Чехии в частности, как век начала откры-
той борьбы внутри феодального общества:
между феодализмом, как политической
формой средневековых отношений произ-
водства и общения, и развивающимися
и усиливающимися капиталистическими зачатками.

Старая форма, форма феодальной общественно-эконо-
мической формации не могла вместить в себе новое содер-
жание — развитие капиталистического способа производ-
ства, наоборот, — она являлась оковами для последнего,
который в свою очередь зародился и до некоторой степени
развился в недрах самой этой формы.

Новое содержание требует новой формы. Об этом со
всей гениальностью великий учитель прогрессивного чело-
вечества товарищ Сталин учит: «Содержание без формы
невозможно, но дело в том, что та или иная форма, ввиду
её отставания от своего содержания, никогда пол-
ностью не соответствует этому содержанию, и, таким
образом, новое содержание «вынуждено» временно об-
лечься в старую форму, что вызывает конфликт между
ними»¹.

Что собой представляли «новое содержание» и «старая
форма» в XVII в.?

¹ Сталин, Соч., т. I, стр. 317.

В разных странах Европы в разное время и в разной степени создаётся и развивается почва для так называемого первоначального капиталистического накопления, которая постепенно разлагает феодально-натуральное хозяйство.

Блестящий анализ так называемого первоначального капиталистического накопления даёт К. Маркс. В XXIV главе I тома «Капитала» Маркс пишет: «Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть лишь исторический процесс отделения производства от средств производства. Он представляется «первоначальным», так как образует предисторию капитала и соответствующего ему способа производства»¹. «Хотя первые зачатки капиталистического производства,— указывает Маркс,— имели место уже в XIV и XV столетиях в отдельных городах по Средиземному морю, но тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Она открывается там, где уже давно уничтожено крепостное право и уже значительно увял наиболее яркий цветок средневековья — свободные города.

В истории первоначального накопления громадное значение имели все перевороты, которые так или иначе послужили рычагом для возвышения формирующегося класса капиталистов; но особенно важную роль играли те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрывались от средств своего существования и выкидывались на рынок труда в виде поставленных вне законов пролетариев»².

Возникновение и развитие капиталистического производства разлагает экономическую структуру феодализма. В средневековой феодальной экономике наступает период перелома.

Рука об руку с развитием промышленности развивается и торговля, которая уже не вмещается во внутренний рынок и стремится к открытию мировых рынков и торговли.

Поиски мировых рынков в эту эпоху были прогрессивным явлением не только потому, что мировая торговля содействовала развитию производительных сил, но и потому, что она разрушала старые формы хозяйства, замк-

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, 1931, стр. 573.

² Там же, стр. 574.

нутость и все формы жизни феодального общества. Эта прогрессивная роль мировой торговли классически определена В. И. Лениным. Ленин пишет: «Эта необходимость наглядно показывает прогрессивную историческую работу капитализма, который разрушает старинную обособленность и замкнутость систем хозяйства (а, следовательно, и узость духовной и политической жизни), который связывает все страны мира в единое хозяйственное целое»¹.

Развитие этих многообразных отраслей промышленности меняет и разрушает основы феодальной экономики. Земледелие теряет своё господствующее положение в экономике и ведущим и превалирующим по размерам производства становится прогрессивное для той эпохи капиталистическое хозяйство.

Развитие капиталистического способа производства изменило и потрясло социально-политическую основу феодальной формации и этим самым ускорило начатое ранее разложение феодализма. К этому времени «объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов. Поэтому повсюду во главе организации господствующего класса — дворянства — стоял монарх»². Такая политическая централизация происходит во всех странах Европы, но не в одно и то же время. «В то время, как в Англии и Франции развитие торговли и промышленности привело к сращиванию интересов всей страны и тем самым к политической централизации, в Германии этот процесс привёл лишь к объединению интересов по провинциям, вокруг чисто местных центров, и поэтому к политической раздроблённости... по мере того, как распалась чисто феодальная империя, стала разрываться и связь между отдельными частями империи; владельцы крупных имперских ленов стали превращаться в почти независимых государей»³.

В условиях такой политической формы, при наличии такой ступени развития капиталистического способа производства, социальные противоречия со всею силою выступают между отдельными общественными классами. «Князья, дворяне, прелаты, патриции, бюргеры, плебеи и

¹ Ленин, Соч., т. III, стр. 40.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, 1934, стр. 15.

³ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, 1939, стр. 27.

крестьяне, — образовывали чрезвычайно хаотическую массу с чрезвычайно разнообразными, во всех направлениях взаимно перекрещивающимися потребностями»¹.

В чём суть этих противоречий? Главное заключается в том, что на заре капиталистической эры, с одной стороны, делается необходимостью непременное изменение природы старых существующих общественных классов и их отношений, с другой стороны, с зарождением и развитием капитализма зарождаются и развиваются два новых антагонистических общественных класса — буржуазия и пролетариат. «Возникшее из гибели феодального общества современное буржуазное общество не уничтожило классовых противоречий. На место старых оно лишь поставило новые классы, новые условия, новые виды борьбы». Существование нового, прогрессивного класса буржуазии на определённом этапе развития, подразумевает, путём революционной ломки старого, уничтожение феодального класса, как господствующего класса, точно так же, как «с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает себе продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Её гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны»².

В XVI—XVII вв. основное противоречие между буржуазией и господствующими классами феодальной формации охватывает все слои населения. С развитием зачатков капитала и самые господствующие классы не являются качественно такими, какими эти классы были раньше. «В этих условиях положение сохранившихся от средних веков классов существенно видоизменилось»³.

Как известно, господствующими классами феодального общества являются дворянство и духовенство. Деньги и роскошь привлекали как дворянство, так и духовенство. Откуда же их брать? Этот источник оба класса находят в беспредельной, зверской эксплоатации крестьянства. Под разными видами прямых и косвенных налогов из крепостных и зависимых высасывались последние капли крови.

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 38.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, 1932, стр. 28.

³ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 28.

Энгельс пишет: «Эксплоатация крестьянства дворянством с каждым годом возрастала всё более и более. Из крепостных высасывали последнюю каплю крови, зависимых людей облагали новыми взносами и повинностями под всякого рода предложениями и названиями. Барщина, чинши, оброки и ренты, поборы при перемене владельца, поборы с наследства, поборы за «покровительство» и т. д.»¹.

От дворянства не отставало и феодальное духовенство. «Они эксплуатировали своих подданных не только так же беспощадно, как дворянство и князья, но вели себя ещё более бесстыдно. Для того чтобы вырвать у подданных последний грош и умножить владения церкви, пускались в ход, наряду с грубым насилием, все ухищрения религии, наряду с ужасами пытки — все ужасы анафемы и отказа в отпущении грехов, все интриги исповедальни. Подделка документов являлась у этих достойных мужей обычным и излюбленным средством мошенничества. Однако, хотя помимо обычных феодальных повинностей и чиншей, они собирали также и десятину, всех этих доходов оказывалось ещё недостаточно. Чтобы вырвать у народа ещё большее количество денег, прибегали к изготовлению чудотворных икон и мощей, к устройству благочестивых паломничеств, к торговле индульгенциями, и это долгое время имело большой успех»².

Все социальные противоречия эпохи ярко выявились в недовольстве крестьянства и плебейского населения, приведшем к открытой борьбе. Эта борьба со всей силой вылилась в реформационном движении, которое охватило в разное время, в разной степени и в разных формах почти все европейские страны. Оно явилось не только религиозной борьбой против католицизма и римского папы в сфере идеологии; в первую очередь и прежде всего реформационное движение было социальным явлением, имеющим свои основы в материальных классовых интересах и противоречиях. «Во время так называемых религиозных войн XVI столетия вопрос шёл прежде всего о весьма положительных материальных классовых интересах»³, — пишет Энгельс.

И родина Коменского, Чехия, в XVI—XVII вв. явля-

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, стр. 30.

² Там же, стр. 31.

³ Там же, стр. 40.

лась в экономическом отношении одной из передовых стран в Европе. Весь процесс капиталистического накопления и перелома в социально-экономической жизни страны сопровождался усилением социально-экономических противоречий, которые ещё более обостряли национальный гнёт, переживаемый Чехией в продолжение ряда веков со стороны Германии и в дальнейшем Австрии.

В Чехии уже с XII в. широкий характер принимает разделение труда между городом и деревней, возникает внутренний рынок. В поместьях натуральные повинности постепенно заменяются денежными. Начинается разработка минеральных богатств страны.

С открытием Кутенбергского серебряного рудника (1237) в истории Чехии наступает как бы новая эра в экономическом развитии страны. В XIV—XV столетиях ни одна страна Европы (за исключением Англии) не развивалась в экономическом отношении так быстро, как Чехия: успешно развивается торговля, ремесло, страна покрывается новой сетью населённых пунктов, возникают и растут города — (Прага, Кутенберг и др.) В это экономическое движение включаются духовные и светские феодалы, перестраивая, приспособляя свои хозяйства к новым хозяйственным условиям.

В связи с ростом экономической мощи Чехии и связанной с ней Моравии усиливается и политический вес и значение этих стран. Германские короли вынуждены считаться серьёзно с Чехией. Политическое значение Чехии ещё более усилилось, когда король Богемии Карл I был провозглашён германским императором.

Наряду с экономическим и политическим ростом Чехии расцветает и культура, развиваются поэзия, литература и искусства. В столичном городе Богемии — в Праге организуется университет (1348), который являлся не только образовательным центром, но и центром новых социальных идей.

Изменились и классовая структура и социальные отношения общества. В Чехии в это время имело место некоторое своеобразие в этом отношении, которое оказывало очень большое влияние на ход общественных событий. Оно заключалось в том, что имущие классы — землевладельческая аристократия и городские патриции — были по большей части немецкого происхождения; они безжалостно эксплуатировали весь народ, тогда как трудовой

народ — крестьяне, мелкие ремесленники и наёмные рабочие — главным образом были славяне — чехи. Чешский народ, который испытывал всю тяжесть подлинно зверской эксплуатации со стороны землевладельческой аристократии и городских патрициев, с одной стороны, и католической, с другой, — испытывал вместе с этим и сильный национальный гнёт. Немцы вытесняли чешский язык, притесняли всякое чешское национальное явление в культуре и т. д. Потому понятно, что здесь, в Чехии, социально-классовые интересы переплетались с национальными и религиозными интересами трудового народа так сильно, как ни в одной стране Европы этого периода.

Эти социально-классовые, национальные и религиозные противоречия, которые ещё больше усилились с окончательным установлением крепостного права к концу XV столетия, приходом к власти в первой четверти XVI в. Габсбургов и водворением иезуитизма, приводили к ожесточённой борьбе народа против господствующих классов. Эта борьба в Чехии велась в продолжение нескольких веков под обликом религиозных войн.

Одним из известных борцов за освобождение чешского народа от национального и католического гнёта был славянин — чех Ян Гус (1369—1415), которого чешский народ чтит как национального героя. Учение Яна Гуса большое влияние оказало на Коменского, в особенности на его социальные и религиозные взгляды. Ян Гус требовал, чтобы в основу религии были положены первоисточники св. писания. Он требовал возрождения ранне-христианской церкви. Гус вёл агитацию против католической церкви и римского папы, вскрывал их мошенническую и разбойническую природу, лживость грабительских махинаций (индульгенции, разные «чудеса» и т. д.), используя для этого арену не только вифлеемскую часовню, но и университет. Его по праву называют отцом и первым идеологом реформации.

Идеи Яна Гуса скоро нашли поддержку среди массового населения Чехии, так как духовенство этой страны особенно выделялось своим развращённым образом жизни и, широко эксплуатируя трудовой народ, создавало и изо дня в день усиливало ненависть к себе со стороны всего трудового народа Чехии. Благодаря энергичной деятельности Яна Гуса, борьба против Рима и католической церкви вплоть до половины XVII в. была сильнее в Чехии,

чем где-либо. В истории эта борьба получила даже название «гуситских войн».

Разными общественными классами в разное время и в разных странах Европы учение Гуса было использовано различным образом против католицизма. Из его учения впоследствии возникли два основных течения: 1) партия каликстинов и утраквистов, которая объединяла буржуазию и дворянскую аристократию и ограничивалась требованиями отделения местного духовенства от Рима и уничтожения духовно-феодалной иерархии и 2) партия таборитов, которая объединяла крестьян, ремесленников и городских рабочих, выставляя радикальные требования социального, национального, религиозного и просветительного характера.

После подавления движения таборитов (1434) из их приверженцев — перекрещенцев (анабаптистов) в Чехии возникла в 1467 г. «Община богемских братьев». В основу учения «Богемских братьев» легло учение Гуса и Петра Хельчицкого (1390—1460) ¹.

Хельчицкий не ограничивается только требованием реформы церкви, как это делает Гус. Он идёт дальше Гуса и центр тяжести своих требований переносит в сферу общественной жизни и этики. Он требует не только новой церкви, но и главным образом нового государства. Опираясь на св. писание и критикуя существующий государственный и религиозный строй, Хельчицкий пишет: «Итак, одного закона христова было вполне достаточно для устройства общин первых христиан и, руководясь ими одними, они преуспевали в нравственном отношении, но потом, когда примешались к нему два закона — гражданский и папский, нравственность стала падать» ², и добавляет: «Эти два кита (император и папа. — Д. Л.) прорвали сеть веры». Хельчицкий повсюду в своих сочинениях критикует католическую церковь, в особенности в «Послании к двум священникам Николаю и Мартыну». Коменский, на которого это сочинение оказало большое влияние, называет его «золотым сочинением (List slati)». В этом письме Хельчицкий просит священников, чтобы они были верными и осторожными сынами бога. Одновременно он

¹ На русском языке имеются сочинения Хельчицкого в переводе Ю. С. Анекова, с введением И. В. Ягича, изд. 1893 г.

² П. Хельчицкий, Сочинения, «Свет веры», стр. 347.

нападает на тогдашнее духовенство, «ибо священники сдружились и со светом и соединились с ним, преподавая искажённо миру божественную святыню вследствие своего искажённого понимания службы...» «В силу слова христовы мы не должны слушаться дурного священника...» «преподанные ими таинства недействительны». В своей книге «Реплика против рокицаны», критикуя церковные мошенничества, он пишет: «Если бы мы должны были молиться Христу, потому что он присутствует в таинстве, мы должны были бы на этом основании молиться всякой вещи, ибо бог, который выше тела христово, присутствует в гораздо большей степени в каждом творении своём, нежели тело христово в таинстве, ибо он находится в каждой вещи»¹. Эти слова Хельчицкого имели не только теоретическое значение для борьбы против католицизма, но они имели и сугубо практический характер, смело разъясняя массам всю лживость таинства и вооружая их против католической церкви. Но ещё более смело и решительно выступал Хельчицкий против римского папы в связи с распространением папских индульгенций. Он писал: «Таковыми действиями папа упразднил Христа, ибо Христос становится ненужным для света, если папа имеет власть отпускать все грехи...», «папа размножил противные богу законы»².

«Богемские братья» учили, что верующий, истинный христианин не должен принимать участия в жизни государства. Неравенства, которые созданы государством, могут исчезнуть только после того, как исчезнет государство. Однако, «Богемские братья» не боролись так активно с господствующими классами тогдашнего государства, как их предшественники — табориты. «Богемские братья» превратились в умеренное течение. Изменился и социальный состав: ко времени Коменского эта община превратилась в общество зажиточных крестьян, буржуа, торговцев и т. д.

В таком положении застала общину «Богемские братья» тридцатилетняя война. В 1620 г. в битве при Белой горе чешские войска были разбиты. После этого окончательно утвердилась власть Габсбургов. Наступила убийственная для Чехии в целом, и для «Богемских

¹ П. Хельчицкий, Сочинения, «Свет веры», стр. 522.

² Там же.

братьев» в частности, реакция. Попадая опять в руки Фердинанда II, Чехия подверглась беспощадному угнетению. Император, заявивши, что он «предпочитает царствовать в пустыне, чем среди еретиков», стал огнём и мечом уничтожать все малейшие оппозиционно настроенные элементы. Эта судьба постигла «Богемских братьев» и самого Коменского. Был издан специальный закон, на основе которого все, кто не принял католической веры, должны были немедленно покинуть родину. Коменскому и вместе с ним 30 тысяч семей пришлось покинуть территорию Чехии и переселиться в другие страны Европы.

«Богемские братья» были окончательно разбиты и все попытки Коменского сохранить общину кончались неудачей. Коменский, разочарованный разгромом своей родины и своей секты, высказывая свою мысль о лютеранстве и кальвинизме, писал (24/II 1645 г.) своему близкому другу Збигневу Гораю, кастеллану хельмскому: «Да пропадут все секты со своими покровителями. Я посвятил себя одному Христу... который не знает никаких сект и не видит их»¹.

«Богемские братья» выдвинули целый ряд педагогических требований и многие из них осуществили в своей практике, а именно: общественное воспитание детей, забота о физическом воспитании и гигиеничности школьной жизни, участие детей в труде, обучение всех детей чтению и письму и т. д. Многие из этой практики «Богемских братьев» было использовано Коменским в его педагогической системе.

Общая
характери-
стика
идеологии
эпохи
и мировоззре-
ния
Коменского.

Развитие капиталистического способа производства разрушило и изменило не только экономические и социальные основы феодальной формации, но оно разрушило и изменило господствующую в эту эпоху идеологию, возводя совершенно на новую ступень отношение человеческого сознания к бытию. «Люди, развивающие своё материальное производство и своё материальное общество, изменяют вместе с данной действительностью также своё мышление и продукты своего мышления»².

¹ Цитируется по статье проф. Вейсмана Я. А., «Амос Коменский и его дидактика». Журн. МНП, 1892, № 282, август, стр. 37.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, стр. 17.

И, понятно, во всех отраслях идеологии наступает процесс перелома, отражающий перелом в экономике и классово-социальных отношениях, но процесс более медленный, чем в экономике и социальных отношениях. «В общественной жизни также сначала изменяются внешние условия, сначала изменяются материальные условия, а затем в соответствии с этим изменяются и мышление людей, их нравы, обычаи, их мировоззрение»¹.

В связи с развитием капиталистического способа производства в общественной жизни были созданы все основы для зарождения и развития новых идей.

Идеология эпохи Возрождения и следующего за ней XVII в., когда жил и действовал Коменский, характеризуется интересом к реальной жизни, появлением новых философских систем, борьбой против диктатуры папства, расцветом науки (особенно естествознания).

В XVI—XVII вв. христианская религия продолжает играть в идеологии господствующую роль. Но эта религия уже не могла остаться той ортодоксальной церковной религией, какой она была в раннем средневековье: она реформировалась и модернизировалась согласно интересам эпохи. Буржуазия всегда нуждалась в религии, как в средстве эксплуатации трудящихся, как в идеологии, при помощи которой она могла бы задерживать революционное движение масс против капиталистической эксплуатации. Все христианские секты учили «воздержанию», христианской нравственности и т. д. «Пуритане,— говорит К. Маркс,— эти виртуозы трезвого протестантизма, были образцами лицемерия и ханжества. Прикрываясь библейей и призывами к христианской нравственности, английские буржуа безжалостно вешали своих земляков, превращённых в бродяг и нищих, торговали людьми и уничтожали туземцев колоний».

Новой буржуазии этой эпохи нужны были новые люди. Она не нуждалась в людях, которые, не находили бы применения своим силам в жизни.

Буржуазии нужны были люди, полные сил, оптимизма, знающие природу, имеющие способность и умение поставить природу на службу своим экономическим целям. И действительно, XVI—XVII вв. являются веками расцвета буржуазной науки. Фр. Энгельс так характеризует

¹ Сталин, Сочинения, т. I, стр. 316.

расцвет науки в эту эпоху: «Это была величайшая из революций, какие до тех пор пережила земля. И естествознание, развившееся в атмосфере этой революции, было насквозь революционным, шло рука об руку с пробуждающейся новой философией великих итальянцев, посылая своих мучеников на костры и в темницы. Характерно, что протестанты соперничали с католиками в преследовании их. Первые сожгли Сервета, вторые сожгли Джордано Бруно. Это было время, нуждавшееся в гигантах и породившее гигантов, гигантов учёности, духа и характера. Это было время, которое французы правильно называли Ренессансом, протестантская же Европа односторонне и ограниченно — Реформацией»¹.

В эту эпоху сильно возросла потребность в науке и повысилось значение знаний.

Что необходимо знать человеку, откуда черпать ему это знание и как поставить его на службу жизни? Вот основные проблемы, которые в большей или меньшей степени занимали умы XVI—XVII вв.

Еще в XVI столетии Коперник заложил начало развития научной мысли. «Чем в религиозной области было сожжение Лютером папской буллы, тем в естествознании было великое творение Коперника, в котором он хотя и робко, после 36-летних колебаний и, так сказать, на смертном одре — бросил церковному суеверию вызов»². Продолжателями начатой Коперником борьбы являются Галилео Галилей, Джордано Бруно, Иоганн Кеплер, Бэкон, Декарт и др.

В решении важнейших проблем науки со всею очевидностью выступают все противоречия и двойственный характер эпохи.

Гуманизм, который в своё время сыграл положительную роль в борьбе с средневековой схоластикой, выдвинув необходимость возрождения древнеклассической философии, не остался и не мог остаться последовательным: впоследствии он превратился в своеобразную схоластику, искавшую познание действительности в учениях Аристотеля, Платона, Сократа, Пифагора, Эпикура, Сенеки и др.

Ещё Бруно (1550—1600) нападает на схоластику, ведя вместе с тем борьбу против аристотелевского авторитета.

¹ Ф. Энгельс, Диалектика природы, 1941, стр. 154.

² Там же, стр. 26.

Бэкон, который по характеристике Маркса был «...истинным родоначальником *английского материализма* и вообще *опытных наук новейшего времени*», в центре своего учения поставил изучение природы и её закономерностей. «Естествознание является в его глазах истинной наукой»¹.

Естественно, что учение Бэкона исключительно большое влияние оказало и на Коменского, на что указывает и сам Коменский. В особенности это влияние сказывается в понимании Коменским природы и в его учении о познании её.

Чтобы познать природу, по Бэкону, необходимо обращаться не к Аристотелю, а к самой природе, не к дедуктивной логике Аристотеля, а непосредственно к опыту, так как даже произведёнными уже делами люди обязаны больше случаю и опыту, чем науке. «Ибо науки, коими сейчас обладаем, суть не что иное, как некое сочетание уже известных вещей, а не пути открытия и указания новых дел»².

Критикуя аристотелевскую логику, Бэкон прямо говорит: «Логика, которой теперь пользуются, скорее служит укреплению и сохранению ошибок, имеющих своё основание в общепринятых понятиях, чем отысканию истины. Поэтому она более вредна, чем полезна».

Осознав значение изучения природы для достижения производственно-жизненных целей, Бэкон пишет: «Дело идёт не о какой-нибудь созерцательной забаве, но об интересе и счастье людей, более того, об их производительных силах».

Но откуда и каким путём мы можем познать природу — истину? «Пусть они смиренно и с благоговением раскроют страницы книги природы, углубятся в основательное изучение её, отказавшись от предвзятых положений, искренно и от всего сердца постараются уяснить себе её смысл»³.

По Бэкону, два пути существуют и могут существовать для отыскания и открытия истины: дедуктивный метод, которым пользовались раньше и в значительной степени

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство, Соч., т. III, стр. 157.

² Бэкон, Новый органон, 1935, стр. 109.

³ Там же, стр. 110.

ещё во времена Бэкона, и второй, более правильный (по словам Бэкона) путь — индуктивный. Придавая исключительное значение индуктивному методу, Бэкон пишет: «При употреблении этого метода и менее одарённый объект может так же хорошо работать, как талантливый, индуктивный метод уравнивает умы».

А что является ключом познания действительности?

Бэкон на это даёт определённый ответ, считая источником познания природы чувственный опыт. Единственно истинные знания — знания, полученные через внешние, чувственные ощущения. Он критикует известного греческого философа Протагора, который мерилom всех вещей считал человека. Бэкон говорит: «Человеческий ум не есть мера предметов...» «Человек сам подчинён природе и, являясь её толкователем, он может свои исследования и выборы обосновать только на непосредственном наблюдении и опыте, на которых только и возможно правильное построение выводов». Познать вещи надо таковыми, каковы они есть, а не какими они кажутся, «смешав свою природу с природою предметов». «Всё зависит от того, — говорит Бэкон, — чтобы мы всегда трезво относились к предметам и явлениям и воспринимали их таковыми, как они есть».

Процесс познания по Бэкону, протекает в таком порядке: чувствование, возникновение образов, воображение, мышление, опять воображение и воля.

Таков общий дух основных принципов философии великого мыслителя, современника Коменского, Френсиса Бэкона, оказавшего большое влияние на мировоззрение Коменского.

Однако, несмотря на величайшее значение учения Бэкона в разоблачении основ средневекового схоластического мировоззрения, оно всё-таки не представляет собой последовательного учения, вскрывающего всю лживость и ненаучность идеологии средневековья. Наоборот, Бэкон, не освобождаясь полностью от влияния господствующей идеологии, отразившей двойственность переходной эпохи, в своём учении оставил значительное место схоластике. Объявляя единственным путём познания действительности индуктивный метод, философия Бэкона и по содержанию своему страдает противоречиями. Эти противоречия можно проследить при решении Бэконом почти всех основных проблем философии и науки. Поэтому К. Маркс, давая

оценку Бэкону, как «родоначальнику *английского материализма*», вместе с тем указывал, что «учение Бэкона ещё полно теологической непоследовательности»¹.

Все эти противоречия эпохи в экономике, в социальной жизни и в идеологии в той или иной форме нашли своё отражение в общем мировоззрении Яна Амоса Коменского и в его педагогическом учении в целом.

Отправной точкой мировоззрения Коменского является христианская религия, но не средневековая ортодоксальная церковная религия, а сектантско-христианская религия, которая к тому времени реформировалась соответственно требованиям эпохи. Бог, по Коменскому, — основа и цель всего существующего. Бог целенаправленно сотворил мир. Во всём царит божественный порядок и божественная сила. «Всё подлежит внезапным переменам, однако, тот безбожник, кто думает, что всё меняется случайно; всё происходит с предопределённой необходимостью... бог правит и знает всё... так что и волосы наши сосчитаны, так что ни один не может пропасть»².

В каждом веществе, полагает Коменский, имеется идея бога и с ним соотносится. Бог — источник всякой мысли, в нём самом совмещаются те идеи, которые он запечатлевает в предметах. Предметы же, в свою очередь, запечатлевают свои образы в чувствах, чувства в уме, ум в языке, язык снова передаёт их умам других, — отсюда, по Коменскому, и создана божественная гармония в мире. Тут и склонность к неоплатонистическому пантеизму, который приближает Коменского с философской точки зрения к объективному идеализму, так как он допускает существование царства природы независимо от сознания человека и так как мировой дух является движущим принципом всего существующего.

О религиозном характере мировоззрения Коменского говорят слова самого же Коменского: «Моя философия будет состоять в том, что вместе с царём Давидом буду созерцать небо и творения рук божьих и дивиться тому, что бог, владыка столь многих великих, чудных творений, снисходит до того, что взирает и на меня, ничтожного червя».

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство, Соч., т. III, стр. 157.

² Я. А. Коменский, Открытая дверь языков, журн. «Гимназия», 1893 г., № 6—7, гл. ХСVII, §§ 968, 971, 969.

Наряду с этим Коменский, выступая против схоластической школы, боролся и против официальной церковно-христианской религии. В своём труде «Лабиринт света и рай сердца», критикуя хищническую деятельность церковно-служителей, он пишет: «Я увидел, что они один за другим предаются ссоре, грязи, воровству, грабежу...» «Вошли мы туда, где жили священники; я думал, что найду их за молитвой или за изучением таинств, но нашёл, что одни, развываясь в перинах, храпели, другие, сидя за столами, пировали, до дурноты совали и лили в себя, третьи проводили время в пляске и прыгании, иные набивали мешки, сундуки, кладовые, иные занимались прелюбодеянием и пошлостью, некоторые привязывали шпоры и имели дело с кинжалами, шпагами и ружьями, некоторые с собаками гонялись за зайцами, так что за библией-то проводили меньшую часть времени, а некоторые почти не брали её в руки и всё-таки назывались учителями слова...» «Видя это, сказал: мне кажется, их по ошибке называют духовными отцами, вернее было бы назвать их доходными отцами»¹. Критикуя господствующую церковь и её служителей, он вместе с тем указывает, что библия должна быть положена в основу религии.

Коменский, в особенности в поздние годы своей жизни, попадает в крайний мистицизм. В книге «Лабиринт света и рай сердца» Коменский старается доказать, что «на этом свете и во всех предметах его нет ничего, кроме суеты и заблуждения, сомнения и горестей, призрака и обмана, тоски и бедствий и, наконец, досады и отчаяния» (из оглавления этой книги). С этой целью Коменский в поэтической форме описывает путешествие, направленное к тому, чтобы «выбрать себе такой образ жизни, в котором было бы меньше забот». Он обзорекает состояние разных представителей многообразных профессий и среди них и учёных, философов, мудрых академиков и других и, не находя убежища, он, покидая свет, взывает: «Ах, лучше, лучше бы мне никогда не родиться, лучше бы я не проходил врата жизни, если после всей суеты в свете удел мой не что другое, как темнота и ужас»². Этим самым Комен-

¹ Я. А. Коменский, Лабиринт света и рай сердца, 1904, стр. 80—82.

² Там же, стр. 144.

ский сильнейшим образом указал на порочность современного ему феодального общества, но не нашёл последовательного пути для выхода из него.

Другая линия в мировоззрении Коменского, это — реалистическая тенденция в объяснении природы. Обе эти «линии» являются отражением двойственного характера мировоззрения Коменского в целом. И при том, эта двойственность обнаруживается при решении всех проблем Коменским.

Коменский находит, что существуют две истины, исходящие от самого бога. Одна истина, вытекающая непосредственно из высшего разума, истина логическая, и другая, вытекающая из природы. Одну мы постигаем путём откровения, другую ощущением. Для первой человек имеет врождённую способность духа (идея бога, по мнению Коменского, прирождена), для другой истины человек имеет способности, путём которых познаёт истину природы.

Природа — источник счастья на земле. Чтобы этот источник использовать рационально, следует познать его. Но чтобы познать в совершенстве природу, необходимо быть мудрым и разумным.

А что значит быть мудрым и разумным по Коменскому? Это значит «познать себя (и вместе с собою все вещи), управлять собою и стремиться к богу».

Откуда же человеку черпать знание? Может ли знание книг, т. е. знание Аристотеля, Платона и других философов, обеспечить человеку знание природы и реальной действительности? Коменский, так же, как и Бруно, Бэкон и другие, источником реального знания считает самую природу. Он пишет: «Не живём ли мы в другом месте, так же точно, как и до нас существовавшие, в саду природы? Зачем же в таком случае и нам, так же хорошо, как им, не пользоваться глазами, ушами, носом, зачем через других наставников, кроме наших чувств, знакомиться с произведениями природы. По какой причине, говорю я, не можем мы, вместо мёртвых книг, раскрыть живую книгу природы, в которой несравненно больше содержится, нежели сколько когда-либо мог бы рассказать нам кто бы то ни было? В то же время собственное созерцание приносит нам несравненно больше удовольствия и пользы. Кроме того, мы опытом столь многих столетий далеко опередили Аристотеля». Коменский, совершенно правильно оценив

значение объяснения мира и несостоятельность философов того времени в этом, в своём «Лабиринте света и рае сердца» форменным образом высмеивает древних философов, не способных объяснить мир, как он есть.

Но может ли человек познать природу? Какими возможностями познания располагает человек? Человек, по Коменскому, — это частичка природы в целом, но он стоит выше вещей тем, что является высшим творением и носителем духа, и это даёт человеку возможность стать разумным существом и царствовать над природой. «Итак, пойми, что ты полное завершение творений, удивительный микрокосм и наместник бога среди моих творений, венец моей славы»¹, — говорит Коменский.

Но откуда появился этот дух в человеке и что он собой представляет? В решении этих вопросов Коменский далёк от научного понимания души, как свойства высоко организованной материи. Коменский человеческую душу рассматривает с точки зрения христианской религии, по которой душа человека есть высший дар божий — она бессмертна и вечна, и на земле готовится для вечной жизни. Но Коменский не мог не считаться с физической природой человека. Если, например, философ Платон на человеческое тело смотрел, как на темницу для души, в которой душа переносит страдания для того, чтобы выкупить свои грехи и вернуться к своему прежнему состоянию — в мир идей, то Коменский считает человеческое тело необходимым условием для совершенствования человеческой души, для подготовки к вечной жизни; именно такое понимание взаимоотношения физического с душевным помогло Коменскому, на основе своей долголетней практики, высказать прогрессивные взгляды о воспитании и обучении детей.

Как понимает психику, душу человека Коменский? Приведём несколько характерных в этом смысле мест. Коменский пишет. «Человеку прирождены четыре части (partes) или качества (gradus), или способности (facultates). Первая называется ум (mens) — зеркало всех ве-

¹ Ян Амос Коменский, Избр. пед. соч., т. I, перевод проф. Д. Н. Королькова, под ред. проф. А. А. Красновского, 1938. Этот том содержит «Великую дидактику» Коменского.

В настоящей работе все цитаты из «Великой дидактики» приводятся нами по этому изданию. — Д. Л.

щей, с суждением (*jedicium*) — живыми весами и рычагом всех вещей, и, наконец, с памятью (*memoria*) — кладовой для вещей. На втором месте — воля (*voluntas*) — судья, всё решающий и повелевающий. Третья — способность движения, исполнительница всех решений. Наконец, речь — истолковательница всего для всех»¹. «Разум направляется на наблюдение различий между вещами (вплоть до малейших мелочей), воля стремится к отбору полезных вещей и к устранению вредных, а память хранит для будущего использования то, чем когда-либо занимались разум и воля, и напоминает душе о её зависимости от бога и об её обязанностях; в этом последнем отношении память называется также совестью»².

Каждая из этих способностей отдельно не существует, но все они в совокупности составляют душу в целом. Разум — это способность образования; воля — способность быть добродетельным; совесть (память) — способность познать благочестие, т. е. быть религиозным.

А каким же образом познаёт «разум» вещи, т. е. каков путь познания по Коменскому?

Коменский пишет: «Начало познания должно всегда исходить из чувств, ибо ничего не существует на уме, чего раньше не было в ощущениях»³. В этом определении исходного начала познания Коменский стоит на позициях сенсуализма. Но было бы ошибочно искать у Коменского последовательную материалистическую теорию познания, как это часто встречается у некоторых историков — педагогов и комментаторов. Правда, Коменский именно в этом важном гносеологическом вопросе испытывал больше влияния Бэкона, но он всё же не мог подняться до бэконовского материалистического сенсуализма и оставил значительное место идеалистическому сенсуализму. Так, например, Коменский считает, что критерием истины могут быть лишь наши чувства: «Истина и достоверность науки точно так же основываются не на чём другом, как на свидетельстве чувств». Но, несмотря на это, характер эпохи, с одной стороны, и непосредственная педагогическая практика, с другой, заставили Коменского

¹ Я. А. Коменский, Избр. пед. соч., т. II, под ред. А. А. Краиновского, 1939, «О культуре природных дарований», стр. 120.

² Я. А. Коменский, Великая дидактика, X, 7.

³ Там же, XX, 7.

всё же отразить в теории познания элементы реализма и приблизиться к бэконовскому материалистическому сенсуализму. Сам Коменский пишет: «Кто сам однажды внимательно наблюдал анатомию человеческого тела, тот поймёт и запомнит всё вернее, чем если он прочитает обширнейшие объяснения, не видав всего этого своими глазами. Отсюда известное выражение: наблюдение собственными глазами заменяет собой доказательства»¹.

К чему должно стремиться познание природы, человека и бога? Этот вопрос, прежде всего, связан с этическими взглядами Коменского. Принадлежность к секте «Богемских братьев» и двойственность всего учения Коменского находит своё отражение и в его этике: с одной стороны, она сводится к христианскому метафизическому принципу этики, заключающемуся в том, что «последняя цель человека находится за пределами настоящей жизни» и к ней надо готовиться — быть «осторожным, покорным, справедливым, чистым, умеренным, преданным богу»² и т. д., с другой стороны — к некоторому буржуазному утилитаризму, обусловленному требованиями эпохи. Коменский старался разрешить и найти общую цель человека «как для потусторонней жизни», так и для реальной, но, в конечном счёте, он всё-таки остался на позициях христианской религии, на позициях христианской «всемудрости». Задача достижения мудрости, по Коменскому, заключается в том, чтобы все были учениками «любомудрия — той науки, которая во всех изысканиях сообщает знание предметов божеских и человеческих»³. Эта двойственность в понимании назначения человека ярко отражена в идее пансофии Коменского. Пансоф — это человек бога и земли, веры и реального знания. Воспитание пансофа и должно быть, по Коменскому, идеалом школы и всей системы образования и обучения. В этом основной смысл идеи пансофии, которую выставил Коменский.

Выводы. Рассмотрев в общих чертах социально-классовые основы и исторические корни учения Коменского и проанализировав основные черты его мировоззрения, мы приходим к следующим выводам:

¹ Я. А. Коменский, Великая дидактика, XX, 9.

² Я. А. Коменский, Лабиринт света и рай сердца, стр. 145.

³ Я. А. Коменский, Открытая дверь языков, журн. «Гимназия», 1893 г., 6—7, пролог.

1. Утренняя заря капитализма, которая характеризовалась развитием капиталистического способа производства и быстрым темпом разложения феодальной экономики, с одной стороны, и изменением социально-классовых отношений,— с другой, и на основе всего этого — открытой борьбой между новым содержанием и старой формой, обусловила характер мировоззрения Коменского. Все противоречия и двойственный характер эпохи в той или иной степени нашли своё отражение у Коменского.

2. Мировоззрение Коменского — это мировоззрение нового, прогрессивного для того времени класса буржуазии, неспособного окончательно отвернуться от старого.

3. Идеологической основой мировоззрения Коменского является сектантско-протестантская христианская религия, в облике которой, ведя борьбу против феодализма, буржуазия вместе с тем использует религию, как орудие угнетения и эксплуатации трудящихся.

4. Несмотря на то, что теория познания материалистического сенсуализма не была до конца последовательно воспринята Коменским и он оставил значительное место идеалистическому сенсуализму в понимании процесса познания, Коменский, в силу характера эпохи, в силу его долголетней педагогической практики, а также под влиянием теории познания Бэкона, стоит в основном на почве материалистического сенсуализма.

5. Исходя из христианско-идеалистического мировоззрения, с одной стороны, и из требования эпохи к новому человеку,— с другой, этика Коменского также носит двойственный — христианский и реалистический характер.

Глава II

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ КОМЕНСКОГО И ОСНОВЫ ЕГО ДИДАКТИКИ

Педагогическое учение Коменского в основном сосредоточено вокруг решения дидактических проблем. И это не трудно объяснить: во-первых, сама эпоха требовала, не медля, в первую очередь, разрешить актуально-практические проблемы формирования нового человека с новыми знаниями, а, во-вторых, непосредственная преподавательская практика Коменского способствовала тому, чтобы на первый план выставить вопросы дидактического характера.

Несмотря на то, что Коменский не различал общей педагогики от дидактики и не в силах был определить грани и взаимоотношения между ними, — как в дидактических учениях, так и в разных трудах Коменским выдвинут ряд педагогических идей, которые в той или иной степени определили характер и направленность в решении дидактических проблем.

В первую очередь необходимо в общих чертах выяснить:

- 1) в чём заключается цель и сущность воспитания и образования по Коменскому;
- 2) какова природа ребёнка по Коменскому;
- 3) в чём заключается принцип природосообразности образования и обучения;
- 4) каково должно быть содержание образования и воспитания и в чём заключается идея пансофии у Коменского, и,
- 5) в чём должна заключаться задача школы и как достигнуть её совершенства.

**Цель и сущ-
ность
воспитания
и образования.**

Цель воспитания и образования у Коменского, вытекающая из его двойственной этики, была отражением его эпохи.

Во всяком классовом обществе, как известно, цель воспитания, как и его содержание, определяется социально-классовыми целями того или иного класса этого общества. Потому и все педагоги и мыслители всех времён и всех народов в своих учениях о целях воспитания всегда отображали, в той или иной мере, либо интересы господствующего класса, к которому они социально и идеологически принадлежали, либо интересы антагонистических классов, которые противопоставляли свои классовые интересы интересам господствующего класса вообще, и вместе с тем,— свои воспитательные интересы.

Нельзя найти в истории педагогики такого педагогического учения, которое не было бы обусловлено классовыми интересами вообще и не отражало бы этого и в учении о целях воспитания в частности. Так, например, ещё в VI столетии до нашей эры Конфуций (551—478 до н. э.) со всей чёткостью отразил в своём учении интересы господствующего класса Китая, заключающиеся в неизменном сохранении существующего, когда он писал: «Всё дарованное небом, называется природой; покорность природе есть путь долга; поддерживание этого пути в надлежащем виде называется обучением и воспитанием». Отсюда цель воспитания — направить каждого индивидуума на путь долга, на путь неизменного сохранения существующего общественного строя в Китае. Греческий философ Платон, который впервые указывал, что человек может стать человеком только через воспитание, полностью отобразил интересы аристократического класса, стремясь путём воспитания «добродетели» построить государство в Афинах на аристократических началах, с философами-правителями во главе. Платон и Аристотель ярко выявили рабовладельческую сущность своих воспитательных целей, разбив общество на два класса, на рабов и властителей (рабовладельцев), считая предметом воспитания только последних, целью же воспитания ставили развитие высших свойств человеческой души — разумной и волевой, — присущих, по их мнению, только властителям. Цель подготовки ретора у Квинтилиана также не что иное, как цель, выражающая интересы господствующих классов римской империи той

эпохи. Классовый характер воспитания и его целей мы обнаружим и во всех последующих педагогических учениях.

Коменский, будучи приверженцем секты «Богемских братьев» и живя на грани разложения феодального общества и развития капиталистического способа производства, отразив интересы эпохи в своём учении, выразил их и в своих взглядах на цели воспитания,— это интересы мелкой буржуазии, которая с самого начала, по своей природе, с одной стороны, была демократической, а с другой,— реакционной силой.

Какой человек является для Коменского идеальным человеком?

Исходя из того, что настоящая жизнь, где человеческая душа совершенствуется в своём теле, является аренной подготовки к «потусторонней и вечной жизни», а также из того, что человек живёт в троякой жизни (чрево матери, земля и небо), Коменский приходит к следующему пониманию назначения человека, а отсюда и к целям воспитания: «Истинные требования, предъявляемые к человеку, заключаются в том, чтобы он был: 1) знающим все вещи, 2) владыкой вещей и самого себя, 3) чтобы он себя и всё возводил к богу, источнику всех вещей»¹.

Таким образом, человек, по Коменскому, должен быть «мудрым», и цель воспитания у него — есть цель воспитания мудрого человека.

Но что значит быть мудрым? «Это значит знать различие вещей, всюду предпочитать доброе злему, лучшее — менее хорошему, всегда уметь найти лучшие средства к достижению предположенных благих целей, иметь наготове для их применения способы и таким образом, где бы ты ни был и чтобы ты ни делал, или в каком бы положении ни находился, ясно всё видеть и быть в состоянии и другим служить добрыми советами, быть человеком увлекательного красноречия, прекрасной нравственности и истинной религиозности, через то снискивать любовь от бога и людей и таким образом уже в этой жизни быть счастливым и блаженным»². «Знать, действо-

¹ Я. А. Коменский, Великая дидактика, IV, 6.

² Я. А. Коменский, Избр. пед. соч., т. II, «Об изгнании косности из школы», § 54.

вать и говорить — вот в чём соль мудрости, необходимая услада всей человеческой жизни, без чего всё было бы нелепо, безвкусно и обречено на гибель»¹. Подчинив всё образование и учение задачам воспитания человека для жизни, для деятельности, Коменский пишет: «Если человеку не угрожала бы неожиданная смерть и он был бы уверен в чрезмерной продолжительности жизни, всё же образование ему необходимо начинать как можно раньше, так как живёт он не для учения, а для деятельности»².

При таком понимании назначения человека и мудрости Коменский считает необходимостью, чтобы «юные кандидаты жизни научились все, что им встретится в жизни, 1) знать, 2) уметь, 3) излагать, 4) применять к добродетели и 5) к благочестию»³.

Из всего этого со всей очевидностью ясно, что Коменский, не удовлетворившись существующими целями воспитания, выставляет целью воспитания нового человека, с одной стороны, знание как «действовать» — в этом его реализм; а с другой стороны, подготовку истинного христианина с христианской моралью, — тут его религиозность и мистицизм.

Каким путём становится возможным выработка из «людей — подлинных людей, из христиан — подлинных христиан?»⁴.

Единственный путь, которым достигается эта цель, по Коменскому, есть воспитание и образование подрастающего поколения.

Коменский в воспитании видит весьма важную силу, и по его мнению, человек может стать человеком только благодаря воспитанию. «Итак, пусть никто не думает, — говорит Коменский, — что тот может быть истинным человеком, который не научен исполнять роль человека, т. е. наставлен в том, что делает человека...» «Чтобы человек стал человеком, он должен получить образование»⁵. «Образованные люди суть истинные люди, т. е. чело-

¹ Я. А. Коменский, Великая дидактика, VII, 3.

² Я. А. Коменский, Избр. пед. соч., т. II, «Законы хорошо организованной школы», II, 2.

³ Там же, 6.

⁴ Там же, I.

⁵ Я. А. Коменский, Великая дидактика, VI, 3.

вечны по своим нравам»¹, «Человек без воспитания становится не чем, как только зверем». Для подтверждения своих взглядов Коменский приводит (следовательно и одобряет) слова греческого философа Платона: «Человек есть самое смирное и божественное животное, если он усмирён истинным воспитанием; без воспитания же, или с ложным воспитанием, он самое свирепое животное из всех, каких производит земля», и заключает — «образование нужно для всех».

Коменский, в силу его ошибочной методологии и непонимания движущих сил истории, не понимал, что воспитание и образование являются надстройкой социально-экономического базиса общества, и что они развиваются на основе и сообразно развитию способов производства и производственных отношений, не понимал, что для того, чтобы качественно перестроить всё содержание воспитания, надо было сломать господство феодальной иерархии. Наоборот, он всецело одобрял слова Цицерона: «Какую большую и лучшую услугу можем мы оказать государству, как не занимаясь образованием и обучением юношества?» и указание Ф. Меланхтона, что «правильно образовать юношество — это имеет несколько большее значение, чем покарать Трою» и считал, что «самый действительный способ восстановления рая» есть «надлежащее воспитание юношества»². «Нет под небесами более действительного средства для исправления человеческой испорченности, как правильное воспитание юношества»³.

Итак, по Коменскому, человек с самого начала подлeжит воспитанию. Человек, по мнению Коменского, состоит из двух частей: души, или духа и тела. Душа основная и вечная часть человека, поэтому «преимущественное попечение должно иметь о душе, как о главной части человека, чтобы она могла выйти из тела как можно лучше украшенной. А о теле нужно заботиться для того, чтобы оно стало жилищем, пригодным и достойным бессмертной души»⁴. «Должно молить богов о том, чтобы в здоровом теле был здоровый дух. Нужно,

¹ Я. А. Коменский, Избр. пед. соч., т. II, «О культуре природных дарований», стр. 122.

² Я. А. Коменский, Великая дидактика, Введение, 5.

³ Там же, 15.

⁴ Я. А. Коменский, Избр. пед. соч., т. II, «Материнская школа», II.

однако, не только молиться, но и трудиться над этим»¹! Но если каждый человек подлежит образованию и воспитанию, чтобы он стал истинным человеком, то спрашивается: какими способностями располагает человек в свои молодые годы, чтобы стать образованным и воспитанным?

**Природа
ребёнка
как предмет
воспитания.**

Коменский очень большое внимание уделяет вопросу о природе ребёнка и высказывает весьма ценные взгляды и указания о природе ребёнка, оставляя иногда место христианскому пониманию природы ребёнка.

Христианская религия всецело исходит из того положения, что ребёнок создан богом сообразно божьей природе и Коменский словами Давида говорит: «Вот наследие от господ — дети, награда от него — плод чрева (псал. 126, 3, 4, 5)»; но ребёнок создан богом как чистейшее и драгоценнейшее сокровище не только затем, чтобы стать со временем таким, каковым он должен быть, но потому, «что он теперь именно драгоценное сокровище».

Коменский, с одной стороны, оставаясь на этой позиции, в своём учении говорит о прирождённых идеях божественной добродетели, что и придаёт его учению о ребёнке ненаучный и мистический оттенок. Но наряду с этим Коменский большое место уделяет вопросу о способностях ребёнка и утверждает, что человек располагает способностями, путём воспитания которых он может стать истинным человеком, и именно эти способности и являются для Коменского предметом воспитания.

Богатая и долгая педагогическая практика, а также систематическое наблюдение над жизнью ребёнка дают возможность Коменскому констатировать такие свойства и способности ребёнка, которые приближают его к научному уровню понимания этих свойств и способностей. Несмотря на то, что во времена Коменского ещё не существовала психология как наука, всё-таки именно эта практика дала возможность Коменскому говорить о способностях ребёнка в таком разрезе и с таким содержанием, которые через несколько столетий были подтверждены педагогической психологией.

Но наряду с этим грубые сравнения ребёнка с птицами, деревом, животными и даже часами, в ряде слу-

¹ Я. А. Коменский, Избр. пед. соч., т. II, «Материнская школа», гл. V.

чаев делают эти взгляды Коменского чисто механистическими.

И вот все эти факторы, переплетаясь в том или ином сочетании во взглядах Коменского, образовали в основном две линии учения Коменского о ребёнке: с одной стороны, христианско-спиритуалистический и, с другой, — эмпирико-реалистический.

Коменский думал, что человек, живя тремя жизнями — растительной, животной и умственной или духовной (по Аристотелю — растительной, животной и разумной), из которых последняя может существовать независимо от первых, с самого же начала есть «бесформенная и грубая масса. Затем он принимает очертание маленького тельца, однако без чувства и движения. После этого он начинает двигаться и с силой природы понемногу выходит наружу; открываются глаза, уши и остальные чувства. С течением времени проявляется внутреннее чувство, когда человек понимает то, что он видит, слышит и чувствует. Далее, через наблюдения различия вещей, появляется рассудок. Наконец, воля, направляясь к одним предметам, отвращается от других, принимает на себя обязанность руководительницы»¹. Жизнь ребёнка, по Коменскому, начинается во чреве матери и продолжается на земле и на небе. «Из первого жилища во второе человек вступает через рождение, во второе совершается переход через рождение, а из второго в третье — путём смерти и воскресения; из третьей — никуда навеки»². Для первой жизни Коменский считает характерным только зачатки движения и чувства, для второй — движение, чувство с началами познания, для третьей — совершенную полноту всего. «Первое и второе жилища есть образ мастерских: в одной формируется тело для последующей жизни, и в другой — разумная душа для вечной жизни»³.

Из этой выписки также совершенно определённо видно, с одной стороны, христианско-спиритуалистическое воззрение, и, с другой, — реалистические тенденции в понимании сущности природы ребёнка у Коменского.

С какими свойствами, способностями, по мнению Ко-

¹ Я. А. Коменский, Великая дидактика, II, 5.

² Там же, 10.

³ Там же, 11.

менского, является ребёнок на свет и какова роль внешнего мира в формировании человеческого сознания?

Коменский отмечает, что: «Философы называли человека микрокосмом (малый мир); он обнимает собою в сжатой форме всё, что расстилается во все стороны по великому миру (макрокосму)... Итак, ум человека, вступающего в мир, чрезвычайно удачно сравнивается с семенем, или зерном, в котором, хотя и нет в действительности формы травы или дерева, однако понятия травы или дерева на самом деле в нём существуют; как это ясно, когда семя, посаженное в землю, внизу пускает маленькие корни, а выше даёт ростки, из которых впоследствии, по врождённой силе, развиваются ветви и сучья; последние покрываются листьями, украшаются цветами и плодами, следовательно, нет необходимости что-либо приносить человеку извне, но необходимо развивать, выяснять то, что он имеет заложенным в себе самом, в зародыше»¹.

Из такого толкования способностей ребёнка и влияния на него внешнего мира, не трудно заключить, что Коменский и тут непоследователен. С одной стороны, он видит в природе ребёнка способности для его всестороннего развития; этим он стоит на научных позициях и в этом отношении превышает всех своих современников. Но вместе с тем, считая, что все эти способности заложены якобы «высшим разумом», и не понимая, что эти способности являются свойством высокоорганизованной материи и развиваются из активного взаимоотношения с внешним миром, Коменский в этом вопросе стоит на почве христианского спиритуализма.

Наряду с тем, что Коменский признаёт врождённой «жажду к знаниям» и считает, что «семена всех наук посеяны в нас», он пишет: «Аристотель сравнил человеческую душу с чистой доской, на которой ещё не было ничего написано, на которой, однако, можно было бы написать всё»². Одобрив этот взгляд Аристотеля, Коменский добавляет: «Удачно также наш мозг (эта мастерская мысли) сравнивается с воском, на котором отпечатывается печать или из которого лепятся фигурки. Как воск принимает любую форму и из него можно

¹ Я. А. Коменский, Великая дидактика, гл. V, 5.

² Там же, 9.

лепить и снова переделать любую слепленную фигуру, так и мозг, отражая образы всех вещей, всё принимает, что только содержит мир. Этим сравнением вместе с тем удачно обозначается, что такое наше мышление и наше знание»¹.

Подобно Бэкону, Коменский считает, что центром психической жизни человека является мозг. Мозг ребёнка, по его взгляду, является слабым, недоразвитым. Коменский требует, чтобы мозг хорошо окреп, прежде чем он начнёт действовать.

По его мнению ребёнок и подросток обладают целым рядом способностей, чтобы стать разумными и мудрыми. Главные из них: прирождённая способность познания бога, способность учиться всему и этим подниматься на всё высшие и высшие ступени разумности, действовать и развиваться в нравственном отношении (справедливость, выносливость, послушание, любовь), способность говорить и развивать речь, способность мышления, памяти, труда, движения тела, которые дают возможность развиваться душе, активность и т. д. Таким образом, по мнению Коменского, человек от природы «способен ко всему».

Но обладают ли все дети этими способностями по Коменскому, или же только часть детей — дети высших классов, как это думали Платон и Аристотель?

Ещё римский учёный и знаменитый оратор и педагог Марк Фабий Квинтилиан (42—118) указывал, что все дети способны к образованию, «ибо совсем неосновательна жалоба, что будто бы природа только очень немногих людей одарила способностью усваивать знания и что будто бы многие напрасно затрачивают труд и время при тупости умственных способностей. Напротив, можно найти много людей умственно подвижных и способных к учению. Это является чем-то врождённым в человеке... уродливые и даже чудовищные тела — ведь эти явления очень редки»².

И Коменский на этот вопрос даёт положительный ответ и заключает, что все дети способны учиться всему.

¹ Я. А. Коменский, Великая дидактика, гл. V, 10.

² Цитировано по «Хрестоматии истории педагогики», Свядковский, стр. 54.

Вместе с этим он указал возможность индивидуальных особенностей в ребёнке, которые, по Коменскому, заключаются в том, что у некоторых детей одни способности развиты больше, чем другие, у других же наоборот.

Кроме того, Коменский считал, что различные дети обладают различными способностями: «некоторые натуры остры, другие тупы; некоторые мягки и гибки, другие — твёрды и упрямы; некоторые сами по себе жадны до наук, другие находят удовольствие больше в механической деятельности». Отсюда Коменский даёт классификацию детей по способностям: на первом месте стоят дети с острым умом, любознательные и податливые, которые больше всех годны для научных занятий; на втором — дети, хотя и с острым умом, но медлительные; на третьем месте — дети, которые обладают острым умом и любознательностью, но дикие и упрямы; на четвёртом — послушные и любознательные, но медленные и тупые; на пятом месте — дети тупые, вялые и ленивые и на шестом месте — натуры тупые и извращённые, злобные и большей частью ненадёжные. И, несмотря на эти различия, Коменский считает, что все дети, на каком бы месте они не стояли, через правильное воспитание могут быть развиты до совершенства, и словами Плутарха он подтверждает: «Какими рождаются дети, ни от кого не зависит, но чтобы через правильное воспитание они вышли добрыми, — это в нашей власти».

Идея природосообразности.

Имея в виду определённую цель воспитания и стремясь к осуществлению этой цели, каков должен быть по Коменскому принцип, по которому следовало бы вести всю работу в области воспитания и обучения детей? Таким принципом для Коменского является принцип природосообразности. Этот принцип является как бы методологией всей педагогики Коменского. Можно сказать, что идея природосообразности пронизывает всё учение Коменского о воспитании, образовании и обучении детей.

Ввиду того, что нам придётся при разборе учения Коменского о методах обучения сталкиваться с принципами природосообразности, ограничимся здесь только кратким рассмотрением вопроса о том, как следует понимать идею природосообразности Коменского вообще

и какую роль сыграла эта идея в построении педагогической системы Коменского.

Как известно, идея природосообразности была выдвинута ещё Аристотелем, который даже при делении детей по возрастам писал: «Обычный способ деления возрастов человеческой жизни по седмицам может быть и неплох, но всё-таки и при этом делении следует соотноситься с природой»¹. И Квинтилиан, рассматривая вопрос о возможности обучения всех детей, прибегал к природе и писал: «Подобно тому, как птицам дано от природы летать, коням — бегать, диким животным — быть свирепыми, так и нам от природы присущи умственная деятельность и сообразительность». Ратке в ещё более определённой форме говорил: «Всё согласно природе или по ходу природы» и т. д. Но Коменским природосообразность была выдвинута и развита как основной принцип всей его педагогики и направлена против современной ему схоластики.

Первый и весьма важный вопрос, который необходимо разрешить, — это вопрос о том, какую природу подразумевает Коменский: внешнюю природу, независимо от нас существующий реальный мир, или природу самого ребёнка.

Некоторые считают, что, говоря о природосообразности, Коменский имеет в виду внешнюю природу, с законами которой должно сообразоваться и воспитание ребёнка; другие считают, что исходной точкой в идее природосообразности является природа ребёнка, т. е. что воспитание и образование должно сообразоваться с природой ребёнка и что к внешней природе Коменский прибегает для аргументации своих воззрений (в порядке аналогии).

Мы считаем, что и первая и вторая точки зрения в понимании этого вопроса страдают однобокостью и являются ошибочными.

Дело в том, что для Коменского природа включает в себя всё и в том числе — самого человека, как разумную частичку этой природы. Потому и идея природосообразности Коменского не есть требование о сообразности воспитания, образования и обучения только с внешним миром; это означало бы, во первых, искус-

¹ Аристотель, Политика, стр. 350.

ственно вырвать человека из природы, чего Коменский не допускал, и, во-вторых, это было бы игнорированием и недооценкой всего педагогического учения Коменского, который очень много внимания уделяет значению природы ребёнка для воспитания. Идея природосообразности, в понимании Коменского, не является также требованием о сообразности воспитания лишь с природой ребёнка, как в дальнейшем понимал природосообразность Руссо, который выводил всё воспитание исключительно из природы ребёнка.

В основу природосообразности в воспитании Коменский клал природу в целом, включая и человека, так как, по его мнению, человек в своём развитии подчинён тем же законам, как и природа внешняя, — начиная с «знаменитой» птицы, кончая «часами». Следовательно, и воспитание, образование и обучение должны развиваться по принципам, которым подчинён общий ход природы в целом.

Для того чтобы иметь ясное представление о сущности принципа природосообразности Коменского, приведём наиболее характерные в этом отношении положения из «Великой дидактики».

«Человек и дерево находятся в одинаковом положении. Как плодоносное дерево (яблоня, груша, смоковница, виноградная лоза), хотя и может вырасти само по себе и через себя, но в диком состоянии принесёт дикий плод, а чтобы дать плоды, приятные и сладкие, оно должно быть посажено, орошаемо, обрезываемо опытным садовником, — так и человек, хотя он сам собой поднимается до человеческого образа (как всякое животное получает соответствующий ему вид), но подняться на ступень разумного, мудрого, нравственного и благочестивого существа он не может без предварительной прививки черенков мудрости, нравственности и благочестия»¹.

«Все рождающиеся создания имеют ту особенность, что пока они нежны, легче всего сгибаются и принимают форму, окрепнув же, оказываются неподатливыми. Мягкий воск допускает лепку и перемену в ней, затвердевший довольно легко крошится. Молодое дерево поддается посадке, пересадке, подрезыванию, сгибанию

¹ Я. А. Коменский, Великая дидактика, гл. VII, I.

в различные стороны; ...свежие яйца при высиживании скоро согреются и дают цыплят; барышник, желающий приучить коня, земледелец — вола, охотник — собаку и ястреба к работе — берут для этого молодых и малых животных» и т. д.¹.

«Только то в человеке прочно и постоянно, что всосал он в себя в раннем возрасте, ...сосуд сохраняет запах, которым он был пропитан сначала... шерсть так держит в себе краску, которою сначала была пропитана, что её нельзя перекрасить... таким образом в человеке первые впечатления заседают так крепко, что было бы чудом, если бы они могли измениться» и т. д.

«Как язык, пропитанный одним вкусом, нелегко различает другой, так и дух, занятый уже с одной стороны, недостаточно внимателен к тому, что представляется с другой стороны»².

«Порядок — душа всего...» «Это очевидно на примерах природы». Коменский приводит тут примеры по следующим объектам: 1) мира, 2) твари небесной, 3) мелких животных, 4) человеческого тела, 5) нашего ума, 6) разумно управляемого царства, 7) Архимедовой машины, 8) пушки, 9) типографского искусства, 10) повозки, 11) корабля, 12) часов и т. д. и заключает: «есть надежда найти организацию школ подобно часам» («Великая дидактика»).

В главе XVI «Великой дидактики» Коменский устанавливает правила успешного учения, также ссылаясь на природу. Он пишет: «Рост всех вещей в природе совершается сам собой» и это выводит из природных оснований, «ибо земля сама собой производит сперва зелень, потом колос, потом полное зерно в колосе. Когда же созреет плод, немедленно посылает серп и т. д.»; «ничего не даётся несвоевременно», ибо «природа старательно выбирает удобное время».

Даже из заглавий основоположений, начиная с XVI главы «Великой дидактики» вплоть до XVIII, где речь идет об успешном, лёгком, основательном и скором обучении, станет ясно (см. сл. главу), что все правила выведены из природы, в которую входит человек: «При-

¹ Я. А. Коменский, Великая дидактика, гл. VII, 4.

² Там же, гл. XII, 17.

меры приводятся из разнообразных вещей, как естественных, так и искусственных».

Для чего и с какой целью выставлена Коменским идея природосообразности в воспитании?

Отправную точку этих идей надо искать безусловно в требованиях новой эпохи, в требованиях буржуазного воспитания нового человека.

Коменский, борясь за перестройку всей воспитательной системы, в первую очередь выдвигает идеи природосообразности воспитания против господствующей схоластики. Учиться и воспитываться надо не по идеям аристотелевского учения (в его искажённом средними веками виде), а непосредственно у природы. Так как природа разумна и в ней царит порядок, воспитание надо сообразовать с ходом природы.

Кроме того, Коменский, ведя борьбу против схолистического обучения, которое в продолжение нескольких столетий убивало человеческие умы, вместо бессмысленной зубрёжки непонятных для детей текстов, выставляет идею природосообразности в обучении с целью успешного, прочного, лёгкого и быстрого обучения.

Что значит воспитать и обучать естественным путём, сообразно естественному развитию ребёнка и природы в целом? Таким образом, идея природосообразности выступала против схолистической бессмысленной зубрёжки, против того, когда природа ребёнка совершенно не принималась во внимание при обучении и образовании.

Само собой разумеется, что идея природосообразности воспитания, сыграв в своё время большую прогрессивную роль, имеет для нашего времени лишь историческое значение. Для советской педагогики она, понятно, неприемлема. Мы учитываем возрастные особенности детей в процессе обучения, но этот учёт отнюдь не вытекает из идеи природосообразности, в каком бы понимании её ни брать — в понимании ли Коменского, Руссо или Песталоцци.

Всё содержание и методы воспитания, образования и обучения и их закономерность мы выводим не из природы ребёнка, или природы в целом, — это означало бы впасть в биологизм, — а из целей и задач воспитания всесторонне образованных и развитых членов общества, одновременно учитывая и закономерность психо-физического развития ребёнка.

**Идея пансофии
и содержание
образования.**

Исходя из того положения, что воспитание, образование и обучение должны быть направлены на формирование «мудрости» в человеке, в которой гармонически должны сообразоваться вера и знание, и что это образование и обучение следует вести сообразно с природой и существующим в ней естественным порядком, Коменский выдвигает идею всех учить всему, учить не словами, а реальной действительностью, — выдвигает идею пансофии. Идея пансофии и определила то содержание образования, которого требует Коменский в противовес схоластическому образованию, правильное говоря, определила характер того, «чему учить». Без уяснения вопроса, «чему» учить, нельзя уяснить, «как» учить. Потому следует рассмотреть сущность идеи пансофии Коменского.

Критикуя современную ему школу, Коменский критикует не только методы, которыми велось обучение, но он критикует и всё содержание образовательной работы школы, — критикует и то, чему учила школа.

Как известно, содержание образовательного материала средневековой школы состояло из изучения семи свободных искусств (как это принято называть в истории педагогики): грамматики, риторики, диалектики (*trivium*), которые изучались в тривиальных или элементарных школах, и арифметики, геометрии, астрономии, музыки (*quadrivium*), которые преподавались в высших школах. Но главное не в названии этих предметов, а в их схоластическом содержании. Так, например, грамматика, которая ко времени Коменского ещё оставалась главным предметом, «матерью и основой семи свободных наук» (Н. Сперанский) и на изучение которой уходила самая большая часть бюджета учебного времени, преподавалась чисто схоластически, т. е. слово было всецело оторвано от предмета, слово преподавалось для слова. Изучение грамматики велось чтением Эзоповых басен, нравственных изречений Катона Старшего и т. д. Известная «грамматика родного языка», римского автора IV века Доната, была написана на латинском языке, и дети, не зная совершенно латинского языка, обучались грамматике. Дети совершенно механически, без всякого смысла заучивали все формальные правила грамматики. Форма без содержания — вот

основная сущность преподавания грамматики в то время. Риторика долгое время учила только умению составлять письма и некоторые стандартные юридические акты; диалектика учила только, как спорить; музыка содержала в себе только христианско-церковные песнопения; астрономия — вычисление времени церковных праздников и т. д. Так же обстояло дело и с обучением арифметики и геометрии, которые преподавались поверхностно и запутанным способом: «всё воспитание и обучение покоились на беспрекословном, не подлежащем критике авторитете прежде всего священного писания, а затем Аристотеля...» «преподавание состояло из списывания и заучивания наизусть того, что предлагалось учителем», — так характеризует содержание средневекового образования проф. Е. Н. Медынский.

Ясно, что такое содержание образования не могло удовлетворить требованиям XVII—XVIII вв. Развитие мировой торговли и промышленности требовало реальных знаний. Арифметика и астрономия, грамматика и другие науки в XVII в. значительно меняли своё содержание.

Я. А. Коменский с позиций рассмотренного нами принципа природосообразности в первую очередь нападает со строгой критикой на схоластическое образование.

Во всех своих трудах и в особенности в «Пансофической школе» и «Речи о номенклатуре вещей» он критикует схоластическую постановку образования и обучения, которая игнорирует вещи и занимается только словами. Коменский ставит вопрос: «Что является дверью образования: слово или точная номенклатура вещей?» И отвечает: «Последняя представляет для всего образования не только дорогу, которая виднеется вдалеке, но широко раскрытую дверь, через которую можно войти непосредственно»¹.

Но каким образом раскрыть сущность точной номенклатуры и как достигнуть того, чтобы наш разум наполнить знанием вещей? Ставя эти вопросы, Коменский подошёл к идее пансофии, которой посвятил несколько теоретических трудов. Более того, его знаменитые учебники

¹ Я. А. Коменский, Избр. пед. соч., т. II, «О пользе точного наименования вещей», Введение.

«Orbis pictus», «Janua linguarum reserata» и другие написаны именно в духе пансофии.

Что собой представляет пансофия, какова её цель, какое значение имеют идеи пансофии вообще и, в частности, в педагогическом учении Коменского, каково должно быть наше отношение к пансофии?

Прежде всего следует отметить, что «пансофия» не является «выдумкой» Коменского. Ещё в XII столетии Гуго из св. Виктора в своём сочинении «Учительское наставление» требует, чтобы «всех учить всему». Луцидарий Бестарши составил сочинение вроде энциклопедии, которое было переведено на чешский язык к концу XII в. Оно содержало, подобно «Orbis pictus», сведения из разных отраслей знания. Конечно, в соответствии с содержанием обучения того времени, значительная часть этих «знаний» касалась вопросов религии. Преобладали главы, сообщающие о сотворении мира, о пребывании первых людей в раю и т. п. Но наряду с ними были и главы, говорящие о землетрясениях и их причинах, о звёздах и кометах и т. п.

Как известно, ещё в средние века был известен целый ряд христианско-библейских энциклопедистов, вроде Исидора Севильского, который написал «О природе вещей», Рабана Мавра (написал «Сад наслаждений») и т. д. Все средневековые энциклопедии представляли собой изложение и комментарии так называемого священного писания и учения Аристотеля (в значительной степени искажённого).

Относительно «пансофии» интересное сообщение сделал в 1897 г. в отделе Коменского при Педагогическом музее (в Петербурге) проф. Вейсман. Он сообщил, что в 1896 г. была опубликована статья Бегеманна, касающаяся вопроса об употреблении слова «пансофия» раньше Коменского. В этой статье, как говорит проф. Вейсман, приводятся главным образом сочинения розенкрейцеров, изданные от 1616 до 1620 гг. Из этих сочинений видно, что слово пансофия (т. е. всемудрость) часто употреблялось у розенкрейцеров для обозначения их учения и что оно принималось в значении науки, всеобъемлющей, ведущей «как к познанию бога и его творений, так и к познанию самого себя», или, другими словами, — к познанию бога, природы и человека, основанном на идее всеобщей гармонии. Кроме того, в учениях розенкрейце-

ров большое место отведено изучению природы. Так, например, Шейгартон в 1618 г. было издано сочинение «*Speculum sopicum brodostraoticum*», где, как говорит проф. Вейсман, уделяется очень большое место разъяснениям природы.

В XVI—XVII вв. стремление к энциклопедии вошло в моду и выдвинуло видных энциклопедистов, которые в той или иной степени давали учения из разных отраслей знания. Таковыми были авторы трудов «Обновление знания» (Бэкон), «Театр человеческой жизни» (Цвинглер), «Энциклопедия» (Альстед, непосредственный учитель Коменского), «О науках» (Людвиг Вивес — XV в.), «Жемчужина философии» (Гр. Рейм) и т. д.

Из этой исторической справки видно, что тенденции к пансофии были ещё до Коменского. Но Коменский, осознав стремления новой эпохи, которая нуждалась действительно в энциклопедических реальных знаниях, находит единственный выход для преодоления средневекового содержания образования в своей пансофии.

В чём заключается главное в идее пансофии? — Главное и положительное в идее пансофии заключается в утверждении, что «мудрость или образование состоит в познании самих предметов, а не в названиях их».

Средневековая бессвязность в образовании ещё усилилась во времена Коменского. Буржуазии нужно было упразднить эту бессвязность и привести изучение наук в систему. И, действительно, Коменскому удалось нащупать эту необходимость эпохи и по-своему разрешить её в плане пансофии.

«Своими пансофическими трудами мы стремимся к тому, — пишет Коменский в своём предисловии к задуманному труду «Дверь вещей», который был без ведома Коменского опубликован его близким другом Самуилом Гартлибом в 1637 г. в Оксфорде и в 1639 г. в Лондоне, — чтобы образованность, доселе разлитую почти без границ, неустановившуюся, колеблющуюся, собрать воедино, способом более сжатым, крепким и прочным, чтобы не нужно было хвастаться наукой, а знать её и знать не слишком много вещей, но вещи добрые и полезные, и знать твёрдо и безошибочно»¹.

¹ Цитировано по ст. Флоринского — «Ян Амос Коменский друг человечества», журн. «Университетские известия», 1892, стр. 20.

Эту идею Коменский ставил не в узко-национальном, но в общечеловеческом разрезе, так как по Коменскому природа одинаково награждает всех способностями учиться всему и объект обучения для всех одинаков.

Коменский в своём сочинении «Путь к свету» даёт такое направление: «Путь к свету или исследование того, каким образом умственный свет души, т. е. знание, может под конец распространиться в умах всех людей и всех народов», — говорит Коменский. Для всех одинаковое энциклопедическое содержание образования, для всех и во всех странах одинаковые учебники, везде одинаковый естественный метод, везде придерживаться природы и воспитание и образование вести сообразно природе, — вот основной смысл идей пансофии Коменского.

Но существуют ли препятствия для достижения этой цели пансофии? — Таким препятствием в основном Коменский считал существование разных языков у разных государств и народов. Как быть с этим препятствием? Коменский в этом вопросе исходит из того положения, что «языки изучаются не как часть образования или учёности, но как орудие для того, чтобы почерпать знания и сообщать их другим»¹. В соответствии с этим он утверждает, что «изучать многие языки бесполезно, так как это отнимет время, нужное для изучения вещей...»². «Только родному и латинскому языкам нужно уделять такое внимание, чтобы овладеть ими вполне»³.

Вместе с тем Коменский выставляет идею универсального языка при сохранении родного языка.

Каким образом думал осуществить свои пансофические идеи Коменский? Он в первую очередь мечтал о создании таких учебников, которые заменили бы все существующие учебники.

Сообразно с тем, что по Коменскому существуют три объекта познания — бог, природа и человек, которые и составляют главную основу пансофии, Коменский считал необходимым составление трёх книг энциклопедии — «Пансофии», «Панистории» и «Пандогматии». Эти книги

¹ Я. А. Коменский, Великая дидактика, XVII, I.

² Там же, XXII, I.

³ Там же, 17.

должны были охватить все основные вопросы разных отраслей знания. В них должны были быть собраны все взгляды разных авторов (о человеке, о природе, о боге).

Но как составить такие книги? Для этого он, подобно Бэкону, находил необходимым создание международной академии наук из постоянных представителей академии наук всех государств. В основном он возлагал составление таких учебников на эту академию. Книги должны были быть написаны на двух языках — на родном и на всеобщем.

Таковы в общих чертах идеи пансофии Коменского. Эти идеи привели к тому, что он мечтал открыть дверь не только к языкам, но и к вещам («*Janua regum*»). Эти реалистические тенденции не могли не заслужить внимания государств, ставших на путь буржуазного развития. Коменский делается известным всей Европе. Особенно большое сочувствие вызвали пансофические идеи Коменского со стороны демократических кругов Англии. Это и понятно. Англия, будучи в то время в капиталистическом отношении самой развитой и передовой страной Европы, больше всех нуждалась в таком реальном образовании, которое выдвигал Коменский. Коменского приглашают в Лондон, где переговоры об организации всеобщего колледжа и о других вопросах действительно могли бы найти реальное решение, если бы этому не помешали разные политические обстоятельства страны (гражданская война, движение в Ирландии и т. д.).

Коменский был приглашён и шведским канцлером Оксенштирном, который в общем, хотя и формально, одобрил идею Коменского, как и Ван-Геер (известный книгопродавец), но требовал от Коменского, чтобы он занялся созданием практического учебника по методике латинского языка и других учебников.

В лице Гартлиба и Оксенштирна мы можем видеть, насколько идеи пансофии были жизненны для Англии, которая раньше других вступила на путь капиталистического развития. Ей уже доступны идеи пансофического образования, тогда как Швеция, которая была очень сильной страной только благодаря военной мощи, а не внутренним производительным силам, эту идею откладывает и требует практических мероприятий на сегодняшний день — составления на основе этих идей практических учебников и т. д.

Всё это говорит о том, что идея пансофии, выставленная Коменским, имела не только теоретический, но главным образом и практический смысл, как одно из нужных мероприятий в области воспитания и образования в руках буржуазии.

Несмотря на то, что Коменскому не удалось закончить задуманный им труд «Дверь к вещам» («*Janua rerum*»), это стремление (идея пансофии) нашло своё практическое отражение в его учении о пансофической школе и ярче всего обнаружилось в «*Orbis sensualum pictus*» («Мир чувственных вещей в картинках»). «*Orbis pictus*» и «*Janua linguarum reserata*» («Открытая дверь к языкам») — эти учебники, как известно, были переведены почти на все европейские (на 12 языков) и на 3 восточных языка и использовались в продолжение более столетия.

Отмечая прогрессивный характер пансофических идей Коменского для той эпохи, когда он жил, мы должны вместе с тем указать, что эта идея страдает бесцветным космополитизмом и, кроме того, в пансофизме Коменского много метафизического и схоластического. Особенно чувствуется это в его учебниках. Так, «Открытая дверь языков» («*Janua linguarum reserata*») содержит сто глав с 1000 пунктами, где последовательно намечены следующие темы: о сотворении мира, о началах тверди, об огне, о воздушных явлениях, о водах, о суше, о камнях, о птицах, о водяных животных, о домашних животных, о зверях, об амфибиях, о насекомых, о человеке, о внутренних органах, о теле, о внешних органах, о случайностях, о болезнях, о нервах и ранах, о внутренних чувствах, о разуме, о воле и страстях, о промыслах, о садоводстве, о земледелии, о мельничестве, о грамматике, о риторике, о диалектике, о смерти, о похоронах, о божественном провидении и т. д. Приблизительно такие же главы имеются и в его учебнике «*Orbis sensuarum pictus*» (содержит 150 глав). В обоих сочинениях даны длинные ряды изолированных слов, расположенных по алфавиту, без какой бы то ни было смысловой связи.

Если представить притом, что содержание этих глав берётся не из природы и реальной действительности, а главным образом из священного писания и разных учений (в том числе и из Аристотеля), то очевидным станет характер этих учебников, а отсюда и пансофии. Так,

например, в главе о сотворении мира Коменский пишет: — 18. бог всё сотворил из ничего, 19. ибо бог вначале распростёр бесконечное пространство (где находится небо и земля)... 22. и вкоренил каждому свою природу, т. е. силу сохранить назначенное место, способ, род. В главе о школе мы читаем: 724. так как находят, что образованные способны ко всему..., то нужны школы, где бы обучались. 728. следует соединить с обучением дисциплину, т. е. отметку и розгу, дабы не вкралась рассеянность, и т. д. Все главы переполнены аналогичными рассуждениями, не имеющими между собой никакой связи. Нечего и говорить о научном характере содержания, так как при очень незначительной части реальных сведений, всё содержание этих учебников большое место уделяет мистицизму, суевериям, религиозности и т. д.

В чём, всё-таки, значение пансофии? Значение её и исторический смысл заключаются в том, что она поставила вопросы о познании вещей, о приведении в систему отдельных наук, о сообразности образования с природой и условиями жизни, о создании учебника на основах наглядного обучения, о преподавании основного, о необходимости образования для всех (в том числе и для девочек) на основе единого содержания и метода обучения, о соответствии организационных форм с содержанием обучения, о всеобщем значении науки и т. д.

Ставя эти проблемы сообразно требованиям эпохи, Коменский не разрешил и не мог разрешить их последовательно, научно, как вообще эти проблемы не разрешила и не могла разрешить научно и вся буржуазная педагогика до сегодняшнего дня. Но, несмотря на это, даже постановка этих важных педагогических и дидактических проблем представляла великую идейную силу в деле разрушения старых и создания новых воспитательных и образовательных идей.

3 Школа — центр образования и обучения. Мастерская, где на основе пансофического содержания образования должна быть выкована мудрость человека, по Коменскому, есть школа. Но существующие

школы не удовлетворяют Коменского не только по целям и содержанию, но и по форме обучения. Он писал: «Что школы являются лабиринтами, это очевидно, ибо они не имеют никаких достаточно твёрдых и определённых целей; для (достижения) целей — (не имеют никаких)

средств; наконец, для применения средств — (никаких определённых) правил»¹.

Ещё Квинтилиан ставил вопрос: где лучше учить детей — в семье или в школе, и доказывал преимущество школьного воспитания перед семейным. И Коменский очень многообразными примерами и аналогиями, взятыми из природы и из своей практики, доказывал необходимость школьной организации воспитания, образования и обучения. «Школы должны быть открыты повсюду, чтобы во всяком благоустроенном человеческом общегитии (будь это столица, город, деревня) была устроена школа, как учебное заведение для совместного воспитания юношества»², — призывает Коменский.

Эти весьма прогрессивные идеи Коменского имеют значение не только для его эпохи. Идеи Коменского в этом отношении намного опережают Локка, который выступил против школьного воспитания, в защиту домашнего, не имея на это никаких научных и исторических оснований.

Коменский выступил в защиту женского школьного образования. «Школам должно быть вверено всё юношество обоего пола», — пишет Коменский. Таким образом, он выдвигает полноправие в образовании девочек наравне с мальчиками, которое фактически не осуществляется и в настоящее время в капиталистических странах.

Школа — это та мастерская человечности, в которой «должно всех учить всему»; таким образом, школа для Коменского есть центр организации образования и обучения, в котором достигается воспитание в учащихся «человечности», «мудрости».

Но если существующие школы не соответствуют назначению, то возможно ли преобразование школ к лучшему? — ставит вопрос Коменский и весьма оптимистически и твёрдо отвечает: «Школы можно преобразовать к лучшему»³. «Мы обещаем такое устройство школы», — пишет Коменский, — благодаря которому:

I. Образование должно получить всё

¹ Я. А. Коменский, Избр. пед. соч., т. II, «Выход из схоластических лабиринтов», 4.

² Я. А. Коменский, Великая дидактика, VIII, 4.

³ Там же, гл. XII.

юношество, за исключением разве тех, кому бог отказал в разуме.

II. Юношество обучалось бы всему тому, что может сделать человека мудрым, добродетельным, благочестивым.

III. Как подготовка к жизни, это образование должно быть закончено ещё до наступления зрелости.

IV. Это образование должно происходить весьма легко и мягко, как бы само собою — без побоев, суровости или какого-либо принуждения...

V. Юношество должно получать образование не кажущееся, а истинное, не поверхностное, а основательное...

VI. Это образование не должно требовать больших усилий, а должно быть чрезвычайно лёгким»¹.

Несмотря на то, что доказательства на это у Коменского очень скудны, всё-таки со всей очевидностью выступает трезвость понимания им назначения школы и принципов её построения.

Коменский считает решающим в преобразовании школ «точный порядок во всём», так как, по Коменскому, «порядок есть душа вещей» и в школе сталкиваются: «I. работа, подлежащая к исполнению, II. действующие лица, III. узы, связывающие то и другое, т. е. дисциплина, то работа лица и дисциплина должны быть приведены в совершенный порядок»².

Говоря об отдельных моментах организации школы, которыми богаты, в особенности, «Законы хорошо организованной школы» (эта работа очень похожа по своему содержанию на «Устав школы» и «Пансофическую школу») и которые детально вскрывают взгляды Коменского на устройство школы, укажем только на основные принципы устройства школы Коменского.

На основе своей пансофической идеи и в соответствии с принципом природосообразности Коменский даёт следующую схему школьных ступеней:

¹ Я. А. Коменский, Великая дидактика, XII.

² Я. А. Коменский, Избр. пед. соч., т. II, «Законы хорошо организованной школы».

«1. Детство — т. е. материнская школа — до 6 лет.
2. Отрочество — элементарная школа — от 6 до 12 лет (на родном языке).

3. Юность — латинская школа — от 12 до 18 лет (на латинском языке).

4. Возмужалость — академия и путешествия — от 18 до 24 лет.

1) Материнская школа должна быть в каждом доме.

2) Школа родного языка — в каждой общине, селении, местечке.

3) Гимназия — в каждом городе.

4) Академия — в каждом царстве или в каждой более значительной провинции»¹.

В материнской школе и школе родного языка должны обучаться все дети обоего пола, в гимназии — люди, имеющие в виду нечто высшее, нежели занятия мастерством, в академии — будущие учёные и правители церкви, школы, государства и т. д. Хотя таким образом, высшая и средняя школа в системе Коменского обслуживают господствующую верхушку, всё же эта система содержит много ценного. Во-первых, нужно отметить идею всеобщего начального обучения в школе родного языка детей обоего пола. Во-вторых, в системе Коменского нет того дуализма, какой установился в школьных системах капиталистических стран последующего времени. У него каждая следующая ступень служит продолжением предыдущей, т. е. провозглашается принцип единой системы.

Какие же предметы должны преподаваться в отдельных школах? Коменский выдвигает принцип концентричности обучения по ступеням школ. «В них должно преподаваться не различное, но то же самое, только различным образом...» Коменский указывает, что различие возможно тройкое: первое заключается в том, что в первоначальных школах всё будет преподаваться в более общих и более грубых чертах; второе — в этих школах будут упражняться преимущественно внешние чувства; третье — в том, что в низших школах будет обучаться всё юношество обоего пола, а в высших — только часть.

Сообразно с шестилетним курсом, Коменский требует, чтобы были учреждены следующие классы:

¹ Я. А. Коменский, Великая дидактика, XXVII, 3.

I — грамматический; II — физический; III — математический; IV — моральный; V — диалектический; VI — риторический.

Физический класс, предлагаемый Коменским — это совершенно новое явление, которое обусловлено духом времени.

В своём более позднем труде в «Пансофической школе» Коменский устанавливает следующие классы:

I — преддверный класс; II — входной класс; III — зальный класс; IV — философский класс; V — логический класс; VI — политический класс; VII — богословский класс¹.

Эта пансофическая школа по своему объёму подходит к латинской школе и строится на базе школы родного языка. Каждому классу предназначен свой объём знаний.

Таково в общих чертах понимание Коменским назначения школы и её структуры. Нет нужды доказывать, что двойственность и противоречие между принципами и содержанием школы и здесь характерны для Коменского, что его обещания о перестройке школы не могли быть реализованы тем содержанием и структурой, которую он вкладывал в школу.

Обещания Коменского, что он преобразует школу «из лабиринта, бесконечно извращающего умы», к лучшему, следует понимать относительно: он действительно стремится к преобразованию современной ему школы, но он непоследователен в своих требованиях и, кроме того, оставляет место схоластике.

Иначе и не могло быть. Действительное преобразование школы на общечеловеческих и научных началах мог произвести только пролетариат, который, сломив старое и завоевав государственную власть на основе уничтожения эксплуатации человека человеком, изменяет коренным образом и школу, что на основе ленинско-сталинского учения о школе успешно осуществляется в нашей великой стране победившего социализма.

Выводы. Таким образом, рассмотрев общепедagogические идеи Коменского и основы его дидактики, мы приходим к следующим выводам:

1. Человек, по Коменскому, от роду располагает спо-

¹ Я. А. Коменский, Великая дидактика, гл. XXX.

способностями, воспитание которых может сделать его действительно человеком. Последовательное, систематическое и своевременное воспитание этих способностей — вот задача воспитания по Коменскому.

2. Методологическим принципом дидактики Коменского является идея природосообразности, которая была направлена против средневекового схоластицизма. В основу природосообразности в воспитании Коменский клал природу в целом, включая и человека. И так как человек в своём развитии, по его ошибочному мнению, подчинён тем же законам развития, как и природа в целом, то, следовательно, воспитание, образование и обучение должны сообразоваться с ходом развития природы, включая и природу человека, как частичку её. Идея природосообразности Коменского, несмотря на её научно-методологическую несостоятельность, все же для своего времени послужила прогрессивным принципом в педагогике — в борьбе против схоластики.

3. В борьбе против старого, схолистического содержания воспитания Коменский выставил идею пансофии и в духе новой эпохи требует «всех учить всему», положив в основу «всемудрость», познание вещей.

Идея пансофии была одной из сильных идей Коменского, которая отвечала запросам буржуазного воспитания в данную эпоху.

4. Центром воспитания, образования и обучения для Коменского является школа, которая должна быть «настоящей мастерской человечности». Коменский выставляет законы жизни школы, которые направлены против существующего режима в современной ему школе.

